

ГАЛИНА РОМАНОВА

ПЛАМЕННАЯ ЛЮБОВЬ
И ЖЕСТОКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

ПОЗОВИ ЕЕ ПО ИМЕНИ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова
Позови ее по имени

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова Г. В.

Позови ее по имени / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2020 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-04-116049-4

Майор полиции Дарья Гонителева всегда была настоящим профессионалом своего дела. Но сейчас она сама оказалась свидетелем преступления и родственницей жертвы! Смерть настигла самого близкого Даше человека – убили ее мать, жестоко и безжалостно. Дарья никак не могла поверить в случившееся, но нашла в себе силы и провела все следственные мероприятия, опросила очевидцев – только чтобы найти нелюдя, заставившего ее испытать такое. Никаких улик, никаких зацепок, очередной «глухарь» – но Гонителева не остановится, пока не найдет убийцу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116049-4

© Романова Г. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Галина Романова

Позови ее по имени

© Романова Г.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Мощные струи дождя молотили по подоконнику. Она остановилась у окна, пытаясь рассмотреть сквозь запотевшее стекло улицу. Провела по нему ладонью, оставив неровный след. Всмотрелась в стгутившиеся сумерки.

Мокрая улица зыбла под порывами северного ветра. Глубокие лужи пузырились, словно вскипевшее дьявольское варево. Завтра по двору пройти будет невозможно. Придется доставать резиновые сапоги с антресолей. А там ли они? Не забыла ли она их на даче, быстро собравшись после экстренного звонка в конце августа?

Ее лоб пошел морщинами от воспоминаний. Не помнит. Ничего не помнит из того дня, кроме звонка от маминой соседки, которая сообщила...

Которая сообщила...

Глаза загло огнем, опалившим душу.

Она на мгновение перестала видеть и дышать, вернувшись в тот страшный день.

– Даша, приезжайте скорее, – запыхавшимся голосом попросила старушка Ильинова, жившая с ее мамой на одной лестничной клетке. – У нас беда!

– Какая беда?

Даша раздраженно закатила глаза, заправила за ухо выползшую из-под косынки прядь жестких волос, потопталась возле клумбы с гортензией. Перчатки она пока не снимала. Она все еще думала, что беда случилась или с кошкой соседки, а это подождет, или со смесителем в ванной, он подтекал последние две недели и требовал срочного ремонта или замены. Здесь достаточно было звонка дежурному слесарю. У нее и в мыслях не было начинать тревожиться.

– Беда с вашей мамой – Ниной Васильевной, – выпалила старушка Ильинова.

– Что? – Вот тут она насторожилась, да. – Что с мамой?

– Ее... Ее кто-то...

И повисло молчание.

Даша даже подумала, что старушка Ильинова отключилась. Может быть, мама на нее шикнула, потирая ушибленный бок. Или соседка вдруг вспомнила, что все напутала. И происшествию, о котором она собиралась рассказать Даше, уже более двух лет. Оно просто всплыло в старческой памяти и показалось реальностью. И теперь бедная старая женщина стоит, испуганно тараща глаза на соседку – на Дашину маму, и не знает, что сказать.

Но Ильинова не отключилась. И ничего не напутала. Она громко судорожно вздохнула и произнесла:

– Ее кто-то убил, деточка!

– Убил... – повторила она за ней.

Просто повторила эхом, без вопроса.

– Да. Убил.

Голос старушки сделался невнятным, слабым, вот-вот исчезнет. И Даша заторопилась, заорала в трубку:

– Как убил?! Когда?! Этого не может быть! Я час назад с ней разговаривала.

– Час назад и я с ней разговаривала, – осерчала Ильинова и шикнула на кого-то. – А сейчас тут полно полиции. И врачей. Только они уж не помогут. Нина Васильевна мертва.

Мертва! Но это мог быть инсульт, инфаркт, да что угодно! Почему сразу убили?! Почему ее маму вдруг убили?! Что там с Клавдией Ивановной не так? Она заговаривается?!

– Послушайте, Клавдия Ивановна, дайте трубку кому-нибудь из полицейских. Если они там, конечно, – зачем-то ехидно добавила она, и ее рот дернулся в неуверенной ухмылке.

Может, все же Ильинова сошла с ума на старости лет, а? Может, все же...

– Алло! Дарь Дмитривна, здрасте, у нас беда. Убийство, – обрушилась на нее правда смущенным голосом капитана Скачкова. – Знаю, у вас выходной. Вы на даче. Но... Вам надо срочно приехать.

– Еду, – оборвала она его, испугавшись, что он примется перечислять ей подробности с места происшествия, с места убийства ее матери. – Я уже еду.

И что? Разве могла она запомнить: взяла она с дачи резиновые сапоги или нет? При таких-то обстоятельствах?

Она не помнила, как за рулем доехала до города. Чудо, что не попала в аварию. Дороги она точно не видела от слез. Ехала по памяти. По памяти прошла по двору, с кем-то здоровалась на ходу. Поднялась в лифте на четвертый этаж. Встала у распахнутой настежь двери. И до боли прикусила губу.

Это запомнилось, потому что ее тут же затошнило от сладковато-приторного вкуса крови, заполнившего рот.

«Не хватало мне еще облеваться на пороге маминной квартиры», – подумала она тогда. И сердито одернула себя. Она не простой обыватель. Она не рядовой гражданин, столкнувшийся с горем. Она – майор полиции Дарья Дмитриевна Гонителева. Она сильная. Она обязана быть сильной. Она профессионал. У нее нет права и времени на истерику. Ей надо было собраться.

Странно, но вышло. Вместе с капитаном Скачковым, без конца печально вздыхавшим у нее за спиной, она снова и снова осматривала место преступления. Она строила версии. Она сама лично пошла по квартирам подъезда. Потом перебралась в другой подъезд, третий. Она мучила людей вопросами. Она недоверчиво хмыкала. Она подозревала каждого второго в неискренности. Она наорала на бедную старушку Ильинову и довела ее до слез. Она не пошла проводить носилки с телом матери до машины скорой. Она осталась с экспертами, которые искали следы, отпечатки. Потом она лично обшарила весь двор в поисках улик. Скачков был рядом. Она отдавала указания четким ровным голосом.

У нее почти вышло не обнажить пульсирующую болью душу. Ее слушались. Согласно кивали. И даже не переглядывались многозначительно, чего она страшно боялась. Все было почти как всегда. И они уже почти заканчивали, когда приехал ОН.

Она почувствовала его приближение, еще когда он выходил из лифта. Не по запаху одеколона. Он не терпел парфюма. Не по громким шагам. Он всегда передвигался неслышно. Она просто почувствовала его приближение. Потому что уже два года чувствовала этого человека, как никто другой. Потому что два года назад у них случилась интрижка, которая переросла потом в нечто большее, чем просто секс.

Полковник Зайцев вошел в квартиру ее матери, негромко поздоровался. И, не глядя на нее, спросил у Скачкова:

– Почему пострадавшие находятся на месте преступления, капитан?

Володин взгляд испуганно заметался между нею и полковником. Знал ли он об их тайной связи, нет? Или просто счел невозможным такое отношение лично к ней – Дарье Гонителевой, профессионалу до мозга костей.

Он ничего не ответил. А Зайцев – черствый козел – проехался по ней отсутствующим взглядом и коротко приказал:

– Убрать отсюда посторонних.

Вот в тот момент все и случилось. Она перестала быть профессионалом. Она превратилась в простого гражданина, простую бабу, страшно осиротевшую и имеющую право на выплеск боли.

Она завывала, когда капитан Скачков попытался вывести ее из квартиры. Страшно завывала, по-звериному. Она начала оседать на пол, когда он взял ее за руку и повел к двери. Она принялась рыдать, когда ОН брезгливо поморщился и снова приказал Скачкову убрать ее с места преступления.

– Дарь Дмитривна, ну, пожалуйста, пойдёмте, – молил ее капитан. – Ну, не тащить же мне вас силой!

Бедному капитану не пришлось с ней драться. На пороге квартиры ее взгляд зацепился за брызги крови, рассеянные по стенам прихожей ее матери, и все – темнота. На этом конец. Она впала в кому.

В беспамятстве она пробыла больше недели. За это время она потеряла ребенка, о котором никто до этого дня, кроме нее, не знал. Даже мама. Без нее ее похоронили. Нагрянули какие-то двоюродные тетки, дядьки, кузены, которых Даша всегда считала охламонами. Родственники посоветовались и сочли, что негоже держать тело без положенного погребения. Мало ли! Может, Дарья так и не очнется! И сойдет следом за матерью. Что же месяц ждать?

Она очнулась. И тайно сказала им спасибо за то, что они так решили. Похороны она бы точно не пережила.

После того как она пришла в себя, ее еще десять дней продержали в больнице. Лечили лекарствами, разговорами с психологом, диетическим питанием, норовившим выскочить обратно. Выписали как-то вдруг и сразу. Пришел доктор под вечер и сказал, что она может идти домой.

– Прямо сейчас? – она приподнялась на локтях на кровати.

– Да. Прямо сейчас.

– А выписка? А больничный лист? – Она же знала порядки. – Печать и все такое?

– Я все приготовил еще с утра. Правда, немного сомневался. Наблюдал вас день. Вы в порядке. Собирайтесь. Вас встречают.

Сердце ёкнуло и забилося. Во рту сделалось сухо-сухо. А глазам горячо-горячо.

Зайцев! Это точно он! Потому и продержали ее до самого вечера, не отпустили днем. Чтобы он мог ее забрать сам, задать несколько вопросов и сообщить, что им больше нельзя встречаться. Что и так уже слухи поползли, когда узнали, что она была беременна.

Даша медленно натянула джинсы, поразившись, с какой легкостью они сошлись на талии. Ей сообщал медперсонал, что она сбросила пять килограммов за время пребывания на больничной койке. Ругали за то, что она почти ничего не ест. Они просто не знали, что она вошла в весовую норму, потеряв ребенка. Она набрала вес, потому что ела как не в себя последний месяц.

Надела джемпер, самый свой нелюбимый – коричневым ромбиком. Интересно, кто догадался его принести? Зайцев его тоже терпеть не мог. Обула кроссовки, взяла в руки ветровку и отощавшую спортивную сумку, в которой до этого были вещи. И пошла на выход.

Ее встречал не Зайцев. Глупо было думать так. Он бы не посмел так светиться. Идиотка!

Ее встречал двоюродный брат Гришка, один из двух охламонов, взявших на себя смелость похоронить тетку в отсутствие дочери.

Он стоял на улице у входа. Даша едва не споткнулась об него, выходя из дверей. Он почти не изменился за минувшие семь лет – тогда они в последний раз виделись. Все такой же: длинноволосый, щетинистый, наглый. Только теперь он выбрался из потертой джинсы, переодевшись в тонкую дорогую кожу. Громыхавшую на каждой кочке старенькую иномарку он поменял на дорожный байк. Да и еще набил себе тату на шее чуть ниже левого уха.

– Привет, – поздоровалась Даша, глянув на шлем в его руке. – Если ты думаешь, что я с тобой поеду на байке, то ты ошибаешься. Вызови мне такси.

– Привет, сестренка, – сильно растягивая гласные, проговорил Гришка. И мотнул кудрявой башкой. – Я не думал. И такси не нужно вызывать. Я перегнал твою тачку сюда. Давай сумку.

Она покосилась, промолчала. Отдала ему тощую сумку, веса в которой было всего ничего. Пошла за ним следом к автомобильной стоянке, на ходу рассматривая двоюродного брата.

Зачем он здесь? Что ему от нее нужно? Почему до сих пор не уехал? Ее мать похоронили больше недели назад. В чем подвох?

Гришка помог ей усесться за руль. Швырнул ее сумку на заднее сиденье.

– Я поеду следом за тобой. Сильно не гони, – не попросил, потребовал он. – Едем к тебе домой.

Будто у нее были варианты! Квартиру своей матери она еще не скоро посетит. Очень не скоро. Брызги крови на светлых обоях в прихожей еще долго будут сниться ей.

Они быстро доехали до ее дома. Пробок не было.

Старый дом в три этажа в спальном районе ей понравился с первого взгляда. И она больше не пожелала слушать риелтора, сразу зацепилась за это предложение.

Толстые кирпичные стены, широкие подоконники, огромные окна. В той трешке, которую она купила очень выгодно, когда-то была коммуналка. И ей пришлось долго ее реставрировать, пытаясь выкурить дух коллективного проживания. Вышло долго и недешево. Все то время, пока шел ремонт в ее квартире, она жила с мамой. И теперь проклинала свою радость от новоселья. И спешку, с которой собирала вещи, намереваясь съехать поскорее.

Пожила бы подольше, может, и беды бы не было.

– Чушь, Дашка, – вывернул губы Гришка за ужином, который приготовил собственноручно. – Тетю Нину убили, когда ты была на даче. Даже если бы вы и жили вместе, на дачу ты все равно бы ездила. И убийца выбрал бы время, чтобы ее уничтожить.

Охламон совершенно не парился, выражения не выбирал, то есть щадить ее не собирался. Она хотела обидеться, но потом передумала. Толку? Он всегда был таким: прямолинейным до бестактности.

– Ты чего не уехал? – поинтересовалась она между второй и третьей рыбной фрикаделькой.

– Поживу пока, – ответил Гришка туманно и обвел взглядом ее огромную кухню. – Клево у тебя, Дашка.

– Ты что, здесь собрался жить? – Ее лицо вытянулось. – Не-ет, Гриша. Ни за что! У меня ты жить не будешь.

– Не здесь, Дашка. Мы всегда с тобой были как два паука в банке, так и станем жалить друг друга. – Его рот растянулся в ухмылке. – Я у тети Нины в квартире поживу.

В памяти тут же всплыли забрызганные кровью обои. Лужа крови на паркете. К горлу подкатила тошнота.

– Я там затеял небольшой ремонт в прихожей, Даш. – Гришка, как всегда, правильно понял ее настроение. – Я все меняю: обои, паркет. Не думаю, что ты будешь против.

– А если да? А если я против? – Она отодвинула тарелку с рыбными фрикадельками. – Почему ты распоряжаешься квартирой, которая по праву принадлежит теперь мне? Кто дал тебе право?

– Тетя Нина. – Он хмуро глянул в ее тарелку. – Не понравилось? Блин... Я старался. Французский повар утверждал, что...

– Что – тетя Нина? – передразнила она его.

– Она завещала эту квартиру мне. Не через нотариуса, конечно. Она как-то в телефонном разговоре с моей матерью обмолвилась.

– О чем?

– Ну... Что хотела, чтобы я переехал в ее квартиру, когда ее не станет. У Дашки, мол, теперь своя квартира. Большая. А у Гришки – то есть у меня – нет жилья.

– Это она так сказала? – не поверила Даша.

– Она. – Он выдержал ее подозрительный взгляд.

– Не ты только что придумал, нет? Почему мне об этом ничего не известно?

– Да иди ты, Дашка!

Он вспыхнул, вскочил с места и принялся убирать со стола. Потом застыл у раковины, принявшись мыть посуду.

Гришка, как приехали, снял с себя байкерский кожаный костюм, оставшись в трикотажном черном термобелье. Очень худой. Со спины он напоминал бы подростка, если бы не рост метр девяносто два и не широкие угловатые плечи. И не крепкие мышцы, облепившие его кости.

Почему в тот самый час, рассматривая его со спины, она не почувствовала себя защищенной? Почему она до сих пор не чувствует себя защищенной рядом с ним?

«Он появился в моей жизни неспроста», – подумала она тогда, наблюдая за игрой его мускулатуры под плотным черным трико. Что-то было не так. Какой-то подлый интерес таился в его желании помочь ей.

С того вечера прошло семь месяцев, и ничего не поменялось.

Его присутствие внушало ей опасность. Только вот природу этой опасности она до сих пор не могла распознать. Никак у нее не выходило.

Глава 2

Пот заливал ему глаза. Кулаки болели. Мышцы спины сводило от напряжения. Но он продолжал отжиматься, упираясь в пол крепко сжатыми кулаками. По стеклам просторной лоджии, где он организовал себе тренажерную комнату, барабанил дождь. Это раздражало, отвлекало, сбивало со счета. Он должен сегодня отжаться сто раз. Вчера не дотянул, сдуслся на счете – семьдесят восемь.

Упал на живот. Перекатился на спину. И десять минут лежал, рассматривая матовый натяжной потолок со встроенными светильниками.

В голове было пусто, ни единой мысли. Только злость на себя. Неудовлетворенность результатом.

Сегодня он должен добить сотку. Иначе еще один день он профукал. А он страшно не любил недовольство самим собой. Это выбивало из привычного ритма. Это заставляло хмуриться, срывать на подчиненных, близких, жене.

Вспомнив о жене, он замер на вытянутых руках и попытался отдышаться.

Идиот!

Сколько раз обещал себе не думать о ней, когда занимается! Сколько раз обещал себе не думать о ней вообще, когда ее нет рядом. Это мешает заниматься, работать. Это мешает ему жить, мать твою!

Он зажмурился, глубоко подышал и продолжил.

Восемьдесят девять... Девяносто... Девяносто один...

Он добил сотку.

Резко встал. В голове тут же зашумело. Он шагнул к раме. Прижался лицом к мокрому стеклу. Начал глубоко дышать, пытаясь восстановиться после тренировки. Сейчас дыхание выровняется, и он пойдет в душ. Потом в кухню. Сам себе чего-нибудь приготовит на завтрак. И уедет из дома задолго до того, как она проснется. Он не даст ей возможности похлопотать с завтраком. Не позволит ей никакой заботы о себе. Чтобы потом не быть ей обязанным, чтобы весь день не мучиться угрызениями совести.

Он провел ладонью по запотевшему стеклу, оставляя широкий неровный след.

Двор был залит дождем. Ливневка плохо справлялась. Но узкими перешейками между глубоких луж можно было беспрепятственно добраться до машины. Не замочив ботинок.

Можно себе представить, что сейчас творится во дворе у НЕЕ! Ей придется по щиколотку брести по лужам до машины. Хорошо, если догадается надеть резиновые сапожки. У нее были, он точно знал. Такие модные, современные: черные с бордовым. Глянешь и не догадаешься, что они резиновые. Ничего общего с теми сапогами, которые надевала, выходя из дома в дождь, его мать.

Он снова зажмурился, пытаясь ее вспомнить.

Как она выглядела? Какими были ее лицо, руки, походка?

Все воспоминания размыты, как улица за мокрым стеклом. Плывет все, искажается. Помнил мать уставшей, замученной, немногословной. У нее не было сил на то, чтобы ругать их – своих детей. Либо она по природе своей была очень доброй, не способной ругать их. Он плохо помнил. Почти ничего. Он рано осиротел. Сестре повезло больше. Она была уже взрослой. Да...

Он плохо помнил мать, но отлично помнил острую боль от ее потери. Эта боль долго мешала ему ровно дышать, угрожая сердечным заболеванием. Сестре пришлось с ним познакомиться. Больницы, санатории, лесные школы.

– Ты должен смириться, Иван, – уговаривала его сестра, нежно трогая его волосы и целуя в макушку. – Она сильно болела. Она мучилась. Смерть для нее была избавлением от мук. Смирись.

И он ей поверил. И со временем смирился с тем, что матери больше нет. Если так ей стало легче, пусть будет так. Он смирился.

А вот ОНА нет. Она никогда не смирится с тем, как ушла из жизни ее мать. Страшно ушла, бессмысленно. Не оставив даже намека на то: почему и кто это сделал.

ОНА недавно бросила им всем упрек на общем совещании отдела. Что они негласно поместили дело по убийству ее матери в разряд «глухарей». Что перестали этим заниматься. Что им нет никакого дела до этого чудовищного убийства.

Но это было неправдой! Так не было! Просто она многого не знала. Например, того, что он сам лично этим занимается. Негласно, конечно. Втайне ото всех. А прежде всего втайне от нее.

Результатов не было, это да. Вообще никаких результатов! Было дело в толстой папке, с сотней бесполезных протоколов опроса соседей, продавцов близлежащих магазинов, дворников. И только.

– У вас даже нет и не было рабочей версии, коллеги! – воскликнула она на том совещании. – Разве так можно?!

– А у тебя, майор, есть версии? – обиделся на нее кто-то из коллег. – Подскажи нам. Научи работать. Пока ты в коме валялась, между прочим, мы не спали и не жрали!

Она обиделась, вспыхнула, выбежала из кабинета.

Поднялся гвалт, который ему пришлось тут же прекратить властным окриком. Совещание продолжилось. Но к этой теме никто больше не возвращался.

Прошло семь месяцев со дня гибели ее матери. Все, что могли, они уже сделали. Результаты не было. Оставалось только ждать. И надеяться. Ну а ему тихой поступью пройти путь, который проделали его сотрудники по горячим следам. Сейчас следы остыли, но, может, и к лучшему. Нет того лихорадочного гона, при котором может что-то ускользнуть из поля зрения.

На улице стало светлее. Он шагнул назад от мокрых стекол, от них несло прохладой. Влажное от пота тело покрылось крупными мурашками. Наплевал бы лет десять назад. Теперь непозволительно. Всякая дрянь цепляется – от насморка до радикулита, стоит сквозняку его обнять. Старее...

Он принял душ, побрился и там же надел форму, заранее взял из шкафа, чтобы не тревожить ее – жену. Она спит очень чутко. И стоит дверце шкафа скрипнуть, тут же поднимает голову от подушки.

– Ванечка, ты чего?..

– Ванечка, я сейчас завтрак, сейчас...

– Ванечка, случилось что?..

Только не сегодня. Нет. Он не хотел ее вопросов, не хотел звука ее голоса.

Из душа он вышел с мокрыми волосами полностью одетый. Шагнул к кухонной двери и тут же услышал шорох в их спальне. Жена проснулась!

Он дал задний ход. Быстро надел ботинки. Стащил с вешалки куртку и через минуту бежал вниз по лестнице.

Еще минута, и он уже в машине.

Задрав голову, он увидел замаячивший в освещенном кухонном окне силуэт жены. И тут же услышал звонок на мобильный. Не ответить было нельзя.

– Да, Лена, чего не спится? – с легким раздражением отозвался он на звонок.

– Что за бегство? – ответила она вопросом на вопрос.

– Мне надо сегодня пораньше, – соврал он.

– Да ну! – Она, конечно, не поверила. – Прямо в пять тридцать утра надо?

– Да, – коротко обронил он. – У тебя все?

Он совсем не собирался вступать с ней в перепалку. В пять тридцать утра! Он просто хотел незаметно смыться из дома. Пока она спит. И вернуться поздно. Когда она уже спит. Это все, чего он хотел. Все!

– У меня не все, Иван! – повысила Лена голос.

Все ясно. Она не простит ему бегства. Тем более что вечером что-то бормотала насчет утренних блинов, или пирогов, или чего-то еще, что она собиралась ему приготовить на завтрак. Он не оценил. Значит, виновен.

– Говори, только быстрее. – Он изо всех сил старался говорить вежливо, спокойно, изо всех сил старался не будить в ней подозрения. – Я тороплюсь, Лена. Сегодня важное совещание. Мне надо подготовить доклад.

Врал как сивый мерин. Но надеялся – поверит.

Не поверила.

– Бла-бла-бла, Ванечка. – Жена зло рассмеялась. – Ладно, я уже привыкла к твоему вранью. Себе-то не ври.

– Что ты имеешь в виду?

Не следовало задавать этого вопроса. Не следовало вообще продолжать разговор, лишенный всякого смысла. В пять тридцать утра!

– Я имею в виду то, что мы давно стали с тобой чужими людьми, – прошипела Лена грозно. – Ты не любишь меня. Просто терпишь. Не разводишься со мной. Потому что боишься, что это навредит твоей карьере. И сучку свою боишься пригреть, потому что это тоже может навредить твоей карьере. А если узнают, что она потеряла твоего ребенка, Ванечка, то это не навредит, а поставит крест на твоей карьере. Разве нет? И на твоей карьере будет поставлен огромный крест, и на ее...

Ему сделалось нехорошо. Вся одежда намокла и прилипла к телу, так он вспотел. Перед глазами поплыли круги размером с кухонное блюдо для пирогов.

Она знала?! Ленка, получается, знала о Даше, об их затянувшемся романе, о беременности? Но откуда, господи?! Откуда?!

Даша не могла рассказать. Нет. Она даже ему не рассказала о беременности. Он узнал о том, что она потеряла ребенка, когда она уже его потеряла. И не от нее узнал. От Володи Скачкова. Тот просто был вынужден ежедневно докладывать о состоянии их сотрудника, находящегося в больнице после страшного происшествия.

Как тогда Лена узнала? У нее что – везде свои люди? Даже в больнице?! Или...

Или она следила за ним? За Дашей? Следила, слушала телефоны? Могла она это сделать, наняв кого-то?

Он думал мгновение. И сам себе ответил: «Могла».

– Лена, успокойся, – попросил он, расстегивая две верхних пуговицы форменной рубашки. – Не надо так.

– Не буду, – отозвалась она после паузы вполне миролюбиво. – Ты только не сбегай так.

– Как?

– Так подло. – Она шумно подышала в трубку. – Я же старалась, пироги с вечера ставила. А ты удрал.

– Я не удрал, Лена.

Он прикрыл глаза, прислушиваясь к шуму крови в ушах, видимо, подскочило давление. И теперь на службу он явится с багровым лицом, головокружением и отвратительным ощущением трясущихся внутренностей под ребрами.

Твою мать, а! Когда же это все закончится!

– Я не удрал, – повторил он слабым голосом, презирая себя пуще вчерашнего. – Я торопился. Мне надо пораньше.

– Ладно. Принято, – буркнула она. – Только вечером чтобы был вовремя. Пирог я отменять не собираюсь. Новый рецепт.

Она подумала и добавила с ядовитым смешком:

– Новый рецепт для семейного счастья...

Ленка отключила телефон.

Через мгновение свет в их кухне погас. Его жена либо снова завалилась в кровать. Либо стоит возле окна и настороженно наблюдает за ним, застывшим в машине.

Он повернул ключ в замке зажигания. Медленно поехал со стоянки. Резина шуршала по лужам, дворники метались по стеклу, радио тихо бормотало на привычной волне. Все привычно и в то же время нет.

Он прибавил газу и попытался осмыслить то, что творилось сейчас в его душе. Осмыслить и дать ему название.

Ленка знает про него и Дашу. Это плохо или хорошо? Неоднозначно.

Тайна, которая тянула из него силы, больше не тайна. Нет нужды сказываться больным или уставшим. Исчезла необходимость объяснять плохое настроение. И постоянно врать.

Это было неплохо. Это дарило облегчение. Но!

Но она теперь постоянно станет упрекать его. Без конца упоминать о том, что было. Треть при случае имя той женщины, ради которой он...

Ради которой он...

А что, собственно, он ради нее сделал?! Чем пожертвовал? Карьерой? Семейой, которой давно нет? Уважением знакомых? Так они тоже могли быть в курсе и давно уважать его перестали за измену жене.

– Мудак ты, Зайцев, вот ты кто, – тихо произнес он и неожиданно свернул на дорогу, которую, думал, забудет со временем.

По пустым улицам ехать туда было – двадцать минут. Еще минуту на то, чтобы пробраться по двору, залитому лужами. Десять секунд на подъем по лестнице на второй этаж. Секунда на то, чтобы нажать кнопку ее звонка.

И что потом?

А потом могло быть по-разному. Потом могло быть – долго и счастливо. И потом могло быть – никак. Но он все равно поехал. Пять тридцать утра! Что ему было делать на работе?

Он знал, как заехать во двор, чтобы не попасть в камеру – одну-единственную, бывшую на автомобильную стоянку. Знал, что жилыцы скинулись на нее после того, как участились случаи взлома автомобилей.

Из машин тащили все: детские кресла, памперсы, забытые пакеты с едой, пляжные тапки и полотенца. Магнитолы, камеры, видеорегистраторы не трогали, что странно.

Володя Скачков предположил, что это бомжи тянут из тачек всякую хрень в надежде раздобыть еды.

Даша предположила другое:

– Может, это ширма для того, чтобы стащить у кого-то что-то важное?

– Важное? – фыркнул тогда Володя. – Что же важного пропало у твоих соседей? Соска детская?

– Я не знаю. Но что-то с этими взломами не так. Как-то странно все.

Ее машину, кстати, тоже взламывали. Но не взяли вообще ничего. В бардачке все перевернули, но ничего не забрали: ни дезодорант, ни расческу, ни упаковку влажных салфеток, ни запасные ключи от квартиры ее матери. Даша их постоянно забывала дома. И часто топталась у запертой двери, когда привозила родительнице продукты.

И именно Зайцев – да, не кто-то еще, посоветовал ей держать ключи от квартиры матери в бардачке.

– Малыш, так ты будешь застрахована от бесполезных поездок на другой конец города, – добавил он тогда к своему совету.

А что, если...

А что, если все эти автомобильные взломы на самом деле были маскировкой для одного-единственного проникновения? Именно в Дашину машину? Что, если целью были ключи от квартиры ее матери? Почему нет?!

Он заглушил мотор машины, приткнув ее за дальними кустами, задумался.

Отправной точкой в расследовании было то, что все сочли: Нина Васильевна сама открыла дверь убийце. На замке не было никаких царапин, никаких следов отмычек или взлома. Она сама открыла дверь – решили так. Либо хорошо знала его. Либо не побоялась белым днем непрошенных гостей.

Второй пункт Даша сразу взяла под сомнение. Мама всегда была очень осторожной. И если не удавалось рассмотреть гостя в дверной глазок, грозно восклицала:

– Кто?!

Если открыла, значит, убийцу знала. Так они решили. Все так решили, включая Дашу.

А если Дашину машину вскрыли для того, чтобы снять слепок с ключей от квартиры ее матери? Никто же не проверял их на предмет застывших в бороздках посторонних частиц. Никто. Даша порылась в бардачке. Сказала, что все цело. И успокоилась.

Так, так, так! Что получается? Если были сняты слепки с ключей, значит, убийца дверь открыл сам. Незаметно проник в квартиру и нанес удар сзади. Страшной силы удар. Предположительно топором. Потом еще один и еще...

Зайцева передернуло, когда он вспомнил залитую кровью прихожую. Как же Дашка держалась? Каких физических и душевных сил ей стоило совершать следственные действия в такой ситуации?! А он, сволочь, явился и наорал на нее! Никогда себе не простит. Никогда!

Ладно, об этом потом подумает. Сейчас надо сосредоточиться на том, кто мог знать, что Даша возит ключи в машине? Круг-то узок. Невероятно узок. По пальцам одной руки можно сосчитать. Появится подозреваемый, появится мотив. Пока мотива не было. Ни у кого!

Глава 3

– Совещание закончено. Всем спасибо. До свидания. Хорошего вечера.

Симпатичное лицо руководителя их подразделения – Ольги – расплзлось в фальшивой улыбке.

Олег подавил вздох разочарования, глядя на нее. Тут же опустил взгляд в стол, принявшись собирать бумаги, по которым отчитывался.

Его отчет был великолепен. Все это знали. Он это знал. В их подразделении ему не было равных.

Все это знали. Он это знал. Но Ольга все равно находила повод к нему придраться.

Как ей удавалось в бочке меда находить каплю дегтя, оставалось для него и для всех загадкой.

– Ты не обижайся. Она где-то права. Она же профессионал с большой буквы, да! – прошептал ему сегодня на ухо во время совещания Степан – его помощник. – Она все рассмотрит. Поэтому и сидит на своем месте.

Голос Степана был полон восхищения. Он не сводил взгляда с Ольги. Он всегда считал ее красивой, стильной, умной. Обожание плескалось в его глазах и сегодня. И Степан даже не пытался этого скрыть.

И Ольге – Олег был в этом уверен – это очень нравилось. Она любила поклонение, она обожала покорность. Ради таких вот Степанов, Романов и Глебов она часами просиживала в косметических салонах, надрывалась в тренажерных залах, совершенствовалась на всевозможных тренингах.

«Она просто помешалась на себе», – сделал вывод Олег несколько месяцев назад.

Ей уже не так важно то, чем она занимается. Ее давно перестало интересовать общее дело. Она забыла, что такое команда. Олег это понял одним из первых.

Куда важнее для Ольги стало, как она держится перед аудиторией. Как говорит, как улыбается, как взмахивает рукой. Она даже репетировала то, как станет перекладывать бумаги на трибуне. Это же полный бред! Не суть доклада была важна, а то, как она перекладывает бумаги!

Как она могла ему когда-то нравиться? Что он находил в ней полгода назад, сгорая от страсти? Он же едва не плакал от счастья, оказавшись с ней в одной постели. И смотрел на нее – спящую – до самого утра, боясь задремать и ненароком разбудить ее своим храпом. Он иногда храпел, да.

Тогда – в те дни, когда он караулил ее сон, – он еще на что-то надеялся. На какие-то взаимные чувства. Покупал цветы, ее любимые конфеты, водил в театр, рестораны.

Но оказалось, Оле ничего этого было не нужно. Все, что от него требовалось, это стучать на своих коллег.

– Ты добрый и внимательный, Олег, – пояснила она, когда он не понял сути ее просьбы. – Люди с тобой раскрепощаются. И у тебя появляется прекрасная возможность вызвать их на откровение.

– И? – Он смотрел на нее широко распахнутыми глазами и боялся поверить в то, что слышал. – Ты предлагаешь мне передавать тебе все то, что услышу?

– Именно! – хохотнула она в тот момент и потянулась к нему с приоткрытым ртом, чтобы поцеловать.

– Я не стану этого делать, Оля. – Он увернулся. – Никогда и ни за что.

– Что именно ты не станешь? – Она замерла, натянуто улыбнулась.

– Я не стану тебе стучать на наших сотрудников.

– Я не предлагаю тебе стучать! – возмущенно повела она голыми плечами и ровно села на кровати.

– А что ты предлагаешь?

– Я предлагаю тебе делиться со мной информацией.

– Это одно и то же, – возразил он. И тоже сел на кровати. – И это подло.

Ольга красиво выгнулась, глянула на него, растянула в фальшивой улыбке губы и проговорила:

– Тогда пошел вон, раз ты считаешь меня подлой. Пошел вон!..

Он ушел, не проронив ни слова. Зачем? Он же не был дураком. Он был очень умным. Понял все сразу. Ольга его использовала. Сочла его мягкотелым увальнем, сдвинувшимся на ее прелестях. Сочла, что он на все пойдет ради быстрого секса раз в неделю по пятницам.

Он не сгодился для такой роли. И тогда она подобрала ему другую. Она решила, что он может стать мальчиком для битья.

Два месяца он отбивался от ее нападков. Она всеми силами пыталась его выдать из компании. Опустилась даже до мелкой подставы. Но служба безопасности разобралась и его оправдала. С Ольгой был проведен серьезный разговор где-то наверху. И она от него отстала. Но на таких вот ежедневных вечерних совещаниях, где она блистала нарядами и умением многозначительно улыбаться в нужные моменты, нет-нет да прицепится к нему.

Сегодняшний день не стал исключением. Она придралась к какой-то мелочи и раскрытировала его идеальный отчет.

Он не стал спорить. Промолчал. А для себя решил: все, хватит. Он увольняется. Надоело.

– Олег, останься, – продолжая скалиться неестественной улыбкой, попросила Ольга. Пообещала: – Я долго не задержу.

Он встал у входа, пропустив всех по очереди сотрудников. Прикрыл дверь. Жалюзи на стеклянных стенах ее кабинета-куба Ольга опустила сама.

– Присядешь? – Красиво переставляя ноги на высоченных шпильках, она прошла вдоль узкого длинного стола для переговоров. Добралась до него, уставилась. – Или стоя объяснишь, почему ты ведешь себя как последняя сволочь?

– Не понял?

Олег судорожно сглотнул, его затошнило. Не из-за ее вопроса, нет. От Ольги очень сильно пахло ее любимыми духами со сложным названием. Он не переносил этот запах. Слишком сладкий, слишком агрессивный, слишком плотный.

– Когда я делаю тебе замечание, не надо кривиться, понял? – прошипела она ему на ухо, наклонившись так, чтобы он видел содержимое ее глубокого выреза на блузке.

– Твои замечания – бред, – отреагировал он вполне спокойно и на ее слова, и на вырез на блузке. – Все это понимают. И втайне над тобой посмеиваются.

– Что-о?! – Она отпрянула, лицо побелело. – Что ты только что сказал?!

– Это я так деликатно стучу тебе на сотрудников. – Полное лицо Олега сморщилось от ухмылки. – И повторяю: за твоей спиной над тобой смеются. Все твои выходки уже всех достали. Сколько тебя еще продержат в этом кресле, не знаю. Но после моего ухода, думаю, продержишься ты недолго. Поскольку больше тебе облокотиться в нашем подразделении будет не на кого. И мальчиков для битья не найдется.

– Ты... Ты считаешь себя мальчиком для битья? – Ее лицо судорожно дернулось. – Олег... Я не хотела тебя обидеть. И...

– Ты сейчас что, я не понял? – Он широко улыбнулся, хотя знал – улыбка его портит. – Пытаешься извиниться? Чтобы я остался?

Она молчала, растерянно моргала, противно щелкая пальцами. Ее лицо, над которым еженедельно трудилась ее подруга-косметолог, пошло красными пятнами, перестав казаться ему симпатичным.

– Я не останусь, Оля. Я увольняюсь. И причиной моего ухода в заявлении укажу тебя. У тебя что-то еще есть ко мне? Нет? Тогда пока...

Он вышел из ее стеклянного куба с мокрой спиной от ледяного пота. По вискам тоже текло, и по затылку за воротник. И конечно, он выглядел сейчас не самым лучшим образом: невысокого роста, полноватый молодой человек, с темными, влажными от пота волосами, в немодных очках с толстыми стеклами. Но он был так страшно горд собой, что наплевал на собственное отражение в зеркале лифта. И тут же, как вышел из здания фирмы, достал мобильник.

– Привет, – ответил ему брат сонным ленивым голосом.

Олег был уверен, что от одного звука Гришкиного голоса женщины сами начинают раздеваться. Ему их даже уговаривать не приходилось. И подлости совершать, ради которых Ольга затащила в постель его – Олега.

– Ты чего это звонишь, Олег? Хочешь извиниться?

– Нет, – он подавил улыбку.

– Мы же с тобой поругались, когда я уезжал. И ты сказал, что тебе стыдно иметь такого брата.

– Я так не говорил. – Олег медленно шел к автобусной остановке. – Я сказал, что нельзя использовать подобную ситуацию в своих целях. Это стыдно.

– Я слышал это еще тогда. – Гриша шумно вздохнул. – Что дальше?

– Я хочу переехать к тебе. – Слова вырвались у него сами собой, он так перепугался, что произнес их, что поспешил повторить, чтобы не передумать: – Я переезжаю к тебе. И это не обсуждается.

Гришка молчал непозволительно долго. Потом спросил:

– Ты знаешь, что со мной опасно? Ты можешь подставиться?

– Догадываюсь.

– Помнишь, по какой причине я сбежал из нашего города?

– Да.

– И понимаешь, что здесь я как бы... как бы скрываюсь?

– Да.

– И готов рискнуть?

– Дашу предупреди, – сказал Олег и отключился.

Если бы Гришка продолжил, он мог бы передумать. А так пути назад у него не стало. Завтра утром он подпишет заявление, обходной лист, купит билет на поезд или автобусом поедет. Он еще не решил. Да, непременно маму надо предупредить. И Дашу тоже. Надо сделать это самому. На Гришку надеяться глупо. Он мог забыть о его просьбе и о нем самом сразу, как завершился звонок.

Подъехавший автобус с мягким шипением раскрыл двери. Он вошел, обнаружил любимое место – в самом центре автобуса – свободным. Сел и тут же прилепился взглядом к стеклу.

Что он приобретал, уезжая из родного города? Возможность отвлечься, начать новую жизнь, завести новые знакомства. Может быть, у него даже появится девушка, о ней давно мечтала его мама, и он тоже мечтал. Он может найти себе новую работу, более престижную, более интересную.

Олег со вздохом перешел ко второму вопросу: что еще он приобретал, уезжая из родного города именно к Гришке?

Ответ тут же проявился грязным дегтярным пятном на девственно-чистом полотне его будущего.

Проблемы! Рядом с Гришкой его непременно ждут проблемы. Гришка магнитом их к себе притягивал. Он словно был на них запрограммирован при рождении. Он не мог жить по-другому – его странный брат.

Что делать?! Олег прикусил нижнюю губу и загадал: будет так, как скажет мама. Она мудрая, плохого не посоветует.

– Поезжай, сынок, – удивила мама и встала из-за стола, чтобы начать собирать ему вещи.

– Мам, ты серьезно? – Его глаза за толстыми стеклами очков сделались огромными. – Ты не против?

– Нет. – Мать приостановилась в дверях кухни. Внимательно осмотрела сына. – Может, Даша сделает из тебя человека.

– Даша? Ей-то это зачем? – Он постарался пропустить мимо ушей последние слова матери, чтобы не обидеться.

– Она умная, сильная. Она... – Мать задумчиво склонила голову. – Она выжила после такого страшного удара. Продолжает искать убийцу Ниночки. И это несмотря на то, что ее коллеги опустили руки. Она не смирилась. На это нужны силы. Видимо, они у нее есть. Генетически заложены. Я буду спокойна, если Даша будет рядом с тобой.

– Мам, я ведь не к ней еду. К Гришке, – напомнил Олег.

Снял очки и принялся вытирать толстые стекла специальной салфеткой. Он всегда носил в кармане упаковку, всегда.

– К Гришке... – повторила эхом мать и упрямо мотнула головой. – И это, сынок, во благо. Присмотришь за ним. Он ведь у нас бедовый!..

– Что, маман так и сказала – бедовый? – оскалился Гришка, встречая его на железнодорожном вокзале три дня спустя.

– Так и сказала.

Олег неуверенно топтался с сумками возле Гришкиного байка. Он не знал, готов ли он на нем ехать. Он никогда не ездил на мотоциклах. Тем более по пробкам большого города. Он представил, как ему в колено упирается огромное колесо какой-нибудь фуры и грязь летит в защитное стекло шлема. И отступил на метр.

– Я не готов.

– К чему?

Гришка насмешливо оглядел брата, явившегося в столицу в длинном черном пуховике, ботинках на толстой подошве и шапочке, связанной мамой.

– К жизни в столице? Или к тому, чтобы ехать со мной на байке?

– К жизни в столице я готов. Почти, – немного заикаясь под взглядом брата, проговорил Олег. – Но вот ехать по ее улицам на твоём монстре... Не готов в принципе.

– И черт с тобой, – хохотнул Гриша.

Забрал у него сумки, сунул их во вместительный багажник. Надел шлем и сел в седло байка.

– Доберешься на метро. Запоминай адрес, чистюля. – Он продиктовал.

Сунул руку в нагрудный карман черного кожаного комбинезона, вытащил два ключа на металлическом колечке. Бросил Олегу.

Тот на лету поймал, был натренирован. Гришка еще ни разу ничего ему не дал просто в руки. Всегда бросал. Приходилось ловить. Привык за столько-то лет.

– Метро вон там, за углом. До встречи. Не заблудись, чистюля!

Гришкин байк глухо рыкнул и через мгновение исчез в тесном коридоре автомобильной пробки.

Олег вздохнул и пошел к метро.

Глава 4

Даша сидела за своим рабочим столом и бездумно шелкала авторучкой. Взгляд ее был прикован к окну.

За стеклом на фоне бледно-серого неба застыли голые ветки деревьев. Казалось, небо пошло глубокими черными трещинами. Еще минута, и произойдет что-то страшное. Апокалипсис! Небесные раны начнут сочиться кровью, и она хлынет на землю, и...

– Даш, ты бы перестала шелкать, а? – взмолился Володя Скачков, закатывая глаза под лоб. – Уже десять минут без остановки! Так с ума можно сойти!

– Извини, – буркнула она и отбросила авторучку подальше.

Она или сошла с ума. Или едва не сошла с ума, когда сегодня, без чего-то шесть утра, в ее квартиру позвонил, кто бы вы думали? Сам Зайцев! Сам полковник Зайцев.

Они не виделись с прошлого августа. Нет, неправильно. Они видели друг друга на работе. Каждый день. На совещаниях опять же. Но они не виделись именно так: когда она в ночной рубашке с голыми ногами встречает его на пороге своей квартиры, а он переступает этот порог и говорит ей: «Привет». Не «Доброе утро», не «Здравствуйте», а «Привет».

Тем самым голосом говорит, от которого под ребрами и между лопаток холодно и щекотно. И сердце молотит как ненормальное.

– Войду? – спросил он и вошел, не дождавшись ее приглашения.

Встал у порога, облокотился плечом о стену. Минуту ее рассматривал. Вдохнул.

– Есть разговор, – произнес он после вдоха.

И она сразу напряглась.

Что за разговор? Почему именно сегодня? Почему в шесть утра? Ехал мимо? Или решил преподнести ей какую-нибудь гадкую новость без свидетелей? Чтобы она была готова в отделе держать удар?

Или...

Или он хочет спросить ее о ребенке, которого она потеряла? Семь месяцев молчал, а теперь хочет спросить. Типа почему не сказала сразу о беременности? Почему скрыла? А его ли это был ребенок?

Она застыла на пару минут. Потом, отмирая, с кивком произнесла:

– Говори.

– Я тут думал... Долго думал... – Он поводил ладонью по гладко выбритому подбородку, он всегда так делал после бритья. – Помнишь, твою машину вскрыли?

– Помню. Не мою одну.

– И у тебя ничего не пропало.

– Ничего.

– Точно?

– Точнее не бывает.

Блин, что за чушь он несет?! В шесть утра приехал прямиком из дома, в свежей рубашке, гладко выбритый, чтобы вспоминать о дурацком происшествии? Она о нем почти забыла!

– Ключи... – обронил Зайцев, старательно обводя взглядом ее голые коленки. – В бардачке у тебя лежали ключи от квартиры твоей матери.

– Они и остались там после взлома.

Она недоуменно таращила глаза. Она все еще не понимала, куда он клонит. И честно, надеялась, что он заехал просто потому, что ужасно соскучился. Потому что задыхается без нее. Спать не может ночами и бродит по квартире, прямо как она. А ключи – это просто предлог. Может, не совсем удачный. Но это первое, что пришло ему в голову, и он...

– А что, если кто-то вскрыл твою машину, чтобы снять слепок с ключей твоей матери?

– Ну... Не знаю.

Она наморщила лоб, пытаясь сосредоточиться.

Тут же подумала, что для этого было необходимо хотя бы накинуть на себя что-нибудь. Халат, к примеру, чтобы ее тело не было так уязвимо под его осторожными, скользкими взглядами.

– Видимых глазу вкраплений от контакта с каким-то липким материалом я не заметила.

Ключи... Ключи...

Она прикрыла глаза. Снова вспомнила то утро, когда ее машина оказалась открытой. Сигнализация не сработала, что важно. И ничего не пропало. В бардачке все было перевернуто, но ничего не пропало. Точно она обратила в тот момент внимание на связку ключей или ей только теперь так кажется?

– Я не помню, – призналась она, разводя руки. – Помню, что обрадовалась, что ничего не пропало. И все.

– Во-от!

Зайцев оттолкнулся от стены, шагнул к ней. Расстояние между ними сократилось до опасных пятидесяти сантиметров. Он мог коснуться ее, особо не вытягивая руку. Она была так рядом, что слышала его дыхание. Ощущала его на своем лице.

– Что, если все эти взломы без ощутимого нанесения материального ущерба были ширмой для того, чтобы сделать слепок с ключей квартиры твоей матери? Помнишь ведь, да, что тогда крали из машин? Всякое барахло!

– Это за уши притянута, товарищ полковник, – фыркнула Даша и отодвинулась в угол прихожей.

Он не собирался ее касаться. Он не за этим тут. У нее в мозгах щелкнуло, он и заехал поделиться соображениями. А то, что так рано...

А другого времени, чтобы остаться незамеченным, не могло быть. И если она правильно рассуждает, уйдет он уже сейчас. Потому что через десять минут Тая с первого этажа выведет своего пса на прогулку. По ней часы можно было сверять. Она всегда выгуливала его в это время. И Зайцеву об этом было известно.

Ее критика ему не понравилась. Он не терпел, когда его критиковали.

Нахмурился. И процедил сквозь зубы:

– На вашем месте, майор, я бы сдал связку ключей в лабораторию. Попросите ребят проверить на наличие микрочастиц материала, которым, возможно, сделали слепок. И еще... Отнесите на экспертизу то, что осталось там лежать после взлома. Все предметы. Вдруг вандалы оставили пальчики? Не факт, но все же попробовать можно. Если эксперты будут капризничать, мне скажите. Я нажму.

И ушел. Ровно за десять минут до того времени, как Тае выводить на прогулку пса. А она пошла сначала в душ и простояла там непозволительно долго, пытаясь проглотить горечь, затопившую ее после визита Зайцева. А потом на кухню варить себе кофе. И гремела посудой так, что по стояку Тая застучала, вернувшись с прогулки.

К ней Даша и зашла перед тем, как отправиться на службу.

– Привет, – поздоровалась она, внимательно рассматривая соседку, живущую под ней.

Сколько ей лет? Вообще непонятно! И тридцать можно дать, и все пятьдесят. Среднего роста, худощавая. Следит за собой.

Даша не раз видела, как Тая утром, отпустив пса, спешит к тренажерам на спортивной площадке в их дворе. Лицо гладкое, почти без морщин. Но их отсутствие всегда казалось Даше каким-то искусственным. Пластика? Возможно.

– Привет! – Тая вызывающе вздернула подбородок. – Обиделась, что по стояку застучала?

Даша промолчала, рассматривая спортивный костюм, который Тая не успела снять после прогулки. Недешевый. Почти новый. Кем она работает? На что живет? Она ни разу не видела, чтобы Тая куда-то спешила по утрам, а вечером возвращалась. Работает дома? Может быть.

– Не обиделась, – тряхнула она головой, прогоняя наваждение.

Дурацкая привычка прогонять людей через мозговой сканер. Профессиональное. Это уже не искоренить.

– Ты посудой гремишь. А пес волнуется. Скулить начинает. Пришлось по батарее гро-
мыхнуть. Извини, – ее ладонь с аккуратными ноготками легла на грудь, – если что не так.

– Все так, Тая. Я не за этим.

– А зачем? – мастерски выполненные брови соседки с первого этажа полезли вверх, она отступила от двери. – Да входи ты, чего топчешься!

Даша вошла, огляделась. Мебель светлая, почти белая. Недорогая, но подобрана со вкусом.

«Дышится легко», – как охарактеризовал бы Зайцев. Он не терпел тяжелой темной мебели. Именно такой его жена забила всю их квартиру.

– Я быстро. Убегаю на службу, – предотвратила она всяческие попытки Таи затащить ее на кофе. – Помнишь, до того как камеру у нас поставили, машины на стоянке вскрывали?

– Помню, а как же! – фыркнула Тая. И кивнула себе за спину. – Мой Любимка почти каждую ночь волновался.

– Ты не рассказывала, – удивилась Даша. – Вернее, утверждала, что ничего подозрительного не заметила.

– Пойми правильно, – округлила глаза соседка. – Ляпнешь лишнего, пристанете. И покоя не будет. Вы ведь такие.

Она осторожно улыбнулась. Глаза смотрели внимательно, но без тревоги.

– Хорошо. Проехали мотивы, по которым ты умолчала. Дело прошлое. – Даша задрала взгляд к потолку: сложный, несколько уровней, целый каскад светильников. – Сейчас мне скажи, что вы с псом видели?

– Что можно было увидеть в такой темноте? – фыркнула Тая. – Это сейчас освещение сделали и камеру воткнули. А тогда... Что мне тебе рассказывать, ты сама тут живешь.

– Ну да, ну да. А слышали что?

– Любимка слышал, волновался, – повторила она. – Я пыталась вслушиваться, но я ведь не собака. Так, шорохи какие-то. Пик-пик...

– Что за пик-пик?

– Ну, такие звуки, когда сигнализацию отключают. Каждую ночь такая ерунда. А наутро следы вандализма. А я что? Я не обязана следить за чужими машинами. Извини, Даша, но ты меня понимаешь, нет? Может, мне показалось, а я людей в заблуждение вводить стану!

Даша задумалась.

Значит, каждый раз, как случится автомобильному взлому, собака Таи волновалась. А сама Тая слышала характерный звук отключаемой сигнализации. Такое возможно, если иметь специальный прибор, сканирующий сигналы с близкого расстояния. То есть бомжами здесь и не пахло. Откуда у бездомных такая аппаратура?

И опять...

Рисковать почти каждую ночь только лишь для того, чтобы забрать из машины памперсы или резиновые тапки? Как-то глупо.

– А может, взломщики тут руку набивали, а? – Тая смотрела на нее, азартно поблескивая глазами.

– В смысле?

– Ты вот только что сказала, что риск каждой ночи не оправдан.

Она произнесла все это вслух? Обалдеть! Никакого контроля!

– Сказала.

– И я говорю, что эти взломщики могли тут тренироваться перед серьезным делом. Руку набивать. А крали всякую чепуху, чтобы к ним серьезно не цеплялись. Махнули рукой и сочли шалостью. Могло такое быть? – Ее розовый язычок стремительно обмахнул губы. – Никто ведь ни разу даже экспертов не вызвал. Даже ты!

Не вызывали, точно. И она отмахнулась, обрадовавшись тому, что ничего не пропало.

– Коля из соседнего подъезда было пытался, – рассказывала Тая, очень красиво жестикулируя. Ни дать ни взять – дирижер. – Но участковый его просто вежливо послал. И возмутился еще. Тебе, говорит, делать нечего, как из-за пакета с продуктами людей от серьезных дел отрывать. Коля и сдуся. Потом еще молодые ребята, живут рядом с колясочной в крайнем подъезде, пытались заявление написать. У них детское кресло стащили. Так участковый опять же отговорил. Да и кресло нашлось через два дня.

– Где? – вытаращилась Даша. Ей ничего об этом было не известно.

– У мусорных контейнеров. Аккуратненько там поставили. На пакетик. Уроды! Можно подумать, кто-то после этого своего ребенка в него посадит.

– Не посадили? – рассеянно отозвалась Даша.

– Не знаю. Вряд ли.

Тая умолкла, поглядывая на гостью с нетерпением. Ей наверняка не терпелось снять спортивный костюм. И выпить наконец кофе, на который она зазывала Дашу.

– Ладно, я пойду. Спасибо тебе. – Она взялась за дверную ручку, потянула дверь на себя. – Если вдруг что вспомнишь, сообщи, идет?

– Без проблем, – пропела ей в спину Тая и поспешила запереть за ней дверь.

Может, и обычно заперла, без торопливой суетливости, а ей это просто показалось. Ее ведь медом не корми, дай кого-нибудь заподозрить.

Она послушалась советов Зайцева. Отдала на экспертизу мамины ключи. А еще дезодорант, валявшийся в бардачке год уже, наверное, и упаковку влажных салфеток. Все это было в машине на момент взлома. И всего этого касались взломщики. Если догадались быть в перчатках, результата не будет. Если нет, то это будет прорывом.

Она надеялась и надеяться боялась. Потому нервничала и шелкала авторучкой, рассматривая располосованное голыми ветками небо.

Ближе к обеду из лаборатории позвонили.

– Тебя. – Володя прикрыл трубку внутреннего телефона ладонью. – Ты здесь или ушла?

Даша уже стояла у двери в куртке, собираясь пообедать. Она вопросительно вскинула брови.

– Кто?

– Эксперты.

Она в два прыжка очутилась у его стола, вырвала телефонную трубку у него из руки, крикнула:

– Да.

– Дарья Дмитриевна, это Соколов, – вежливо представился эксперт.

– Да, да, слушаю! Есть результаты?

– Кое-что есть, – отозвался он привычно тихим голосом. – Это...

– Что по отпечаткам? – нетерпеливо перебила она.

– Дарья Дмитриевна, вы позволите?

Она представила, как недовольно морщится интеллигентное лицо Соколова. И устыдилась.

– Извините, Даниил Федорович. Нервничаю. Это очень важно.

– Понимаю. Так вот... – Он прокашлялся, как перед выступлением на кафедре перед студентами, которой заведовал долгие годы, пока его не выгнали по ложному доносу. – По

отпечаткам еще не работали. Пока ничего нет. Но что касается связки ключей... Да, вы были совершенно правы, есть следы.

– Следы чего?!

Под ребрами мелко задрожало. Во рту стало сухо.

– Пластилина. Обычного пластилина, который часто используют для того, чтобы сделать слепок. Вы ведь давно этими ключами не пользовались, так?

– Давно.

Она попыталась вспомнить. Да, после того памятного взлома ее машины, наверное, ни разу. Вскоре после этого случилась беда. Когда Даша приехала с дачи, дверь маминой квартиры была распахнута настежь, и там уже работала полиция. Потом больница. И все. Больше она в маминой квартире не была ни разу. Там теперь живет Гришка.

– Хорошо. – Соколов прокашлялся. – Так вот то, что вы не пользовались ключами, и позволило обнаружить следы засохшей пластилиновой массы в некоторых бороздках и на металлическом колечке, которым скреплены все три ключа.

– То есть... Слепок с ключей снимался? Это совершенно точно?

– Смею предположить. – Соколов помолчал. И добавил неуверенно: – Если только вы не давали ключи детям в момент, когда они занимались пластилиновой лепкой.

– Нет. Не давала. – Она, зажмурившись, мотнула головой.

– Тогда у меня все. По отпечаткам чуть позднее. Я позвоню...

На обед Володя увязался с ней и между первым и вторым пристал так, что ей пришлось выболтать тайну о раннем визите Зайцева и его невероятном предположении. Он немного был в курсе их тайной любовной истории. И пару раз даже прикрывал ее бегство с работы.

– Вы помирились? – застыл он с куском котлеты на вилке у рта.

– А мы не ругались, Володя. Просто все как-то сошло на нет. – Она пожала плечами, помешивая ложкой остывший борщ. Аппетита не было. – И сегодня... Я так и не поняла, зачем он приезжал! Все то, что он мне сказал, он мог сказать по телефону. Мог вызвать к себе и сказать. Я не поняла!

– И вы... – Он покраснел и проглотил, не прожевав, злополучный котлетный кусок.

– Нет. Он даже не проходил. Обменялись информацией, и все. – Она еле выдавила из себя улыбку. – Все, Володя. Все кончено. И я больше не хочу об этом говорить. Хорошо?

Он молча кивнул. Потянулся за ягодным киселем в высоком толстостенном стакане.

– То есть полковник предположил, что все автомобильные взломы в вашем дворе были ширмой для того, чтобы снять слепок с ключей от квартиры твоей матери? – Он недоверчиво вывернул губу. – Как-то... Не верится мне. Так заморачиваться! Твоя машина была какой по счету – пятой, шестой? Они могли попасться в любую ночь – эти взломщики!

– Моя машина была четвертой. Предпоследней. Потом взломы прекратились. Они могли попасться. Но не попались. Версия полковника может быть верной. А может и не быть. Взломщики могли просто случайно наткнуться на ключи в бардачке, сделать слепок на всякий случай. Выследить меня. И...

Все неверно. Все не сходилось! Она после этого не пользовалась ключами. Ее не могли выследить. Беда случилась потом слишком скоро. И полковник Зайцев, скорее всего, прав.

Прав, как всегда...

Глава 5

Олег вытащил из сумки спортивный костюм, со вздохом оглядел. Измаялся до невозможного. Он бы с радостью его выгладил. Он делал это всегда сам и всегда аккуратно, но после ремонта, устроенного Гришкой в квартире покойной Нины Васильевны, утюг куда-то подевался. Он точно был.

Олег помнил: когда перед похоронами приехал с Гришкой в эту квартиру, то обнаружил утюг в теткиной спальне за дверью. Маме тогда срочно потребовалось выгладить траурную блузку. Он вызвался погладить по ее просьбе. Теперь же утюга не стало. Как и многих вещей Нины Васильевны. Почти всех!

– Ты куда все подевал?! – возмущенно воскликнул он вчера вечером, обнаружив кардинальные переделки. – Что скажет Даша?! Ты с ней согласовал?!

– Что именно?

Гришка, добравшись от вокзала до квартиры на два часа раньше Олега, уже успел переодеться, забросить его вещи прямо в сумках в пустой шкаф в маленькой комнате, подремал – с его слов – и теперь занимался с гантелями в просторной прихожей.

Олегу в прихожей было не по себе. Он все еще помнил. Он все помнил! И даже после ремонта, устроенного Гришкой, он видел эти страшные потеки крови на стенах.

– Даша знает, что ты все здесь переделал? Все вещи ее матери выбросил? Ты живешь здесь на нелегальном положении, брат! Как так можно?

– Во-первых... – Гришка закатил гантели под новенькую тумбу на высоких ножках. – Я ничего не выбросил. Все аккуратно упаковано и хранится в арендованном гараже. Включая мебель. Если Дашка захочет, она может все это заново тут расставить. Даже трюмо, заляпанное кровью!

От тона, которым это было сказано, Олега покорило. Но он промолчал. Он сам в этой квартире был нелегалом. Даша до сих пор не знала, что он приехал. Он ей не смог дозвониться. А Гришка не считал нужным ее предупредить.

– Единственное, что я оставил в доме, это тетушкины бумаги.

Поигрывая мышцами, Гришка пошел в кухню. Олег – за ним.

– Какие бумаги? – спросил он, настороженно наблюдая за тем, как Гришка хозяйничает.

Тот достал теткин блендер, насыпал туда льда из морозилки, бросил банан, киви, влил какой-то мутной дряни из жестяной банки. Закрыл и запустил взбиваться.

– Бумаги? На квартиру бумаги. Нина Васильевна была единовластной хозяйкой. Дашкина доля не выделена. Но она квартиру еще при жизни на дочь оформила. Потом еще есть договор купли-продажи на дом какой-то. Что за дом, я так и не понял. Где-то в пригороде. Участок и постройка. Даша документы не забирала. Они так тут и лежат.

– Это, видимо, дача. Даша была на даче, когда все случилось, – вспомнил Олег рассказы полицейских.

– Нет. Дача – это отдельная тема. А это что-то еще. Я не вникал. Мне пофиг.

Гришка остановил блендер. Вылил вспененную массу грязно-серого цвета в высокий бокал. Пригубил. Замычал от удовольствия. Покосился на брата.

– Тебе бы не мешало употреблять такие коктейли, Олег. – Он смерил презрительным взглядом рыхлую фигуру брата. – Похудеть не мешало бы килограммов на двадцать. И девушку сразу нашел бы. И в жизни тебе сразу бы повезло.

– Ты дохлый, как тарань, тебе везет? – огрызнулся Олег и попытался втянуть живот.

– Мне? Везет.

Гришка допил коктейль, загрузил колбу от блендера и бокал в посудомоечную машину – тоже его приобретение, запустил программу. И снова повторил:

– Мне вообще везет по жизни, брат. На хороших людей. На ситуации. Мне даже любое чужое зло идет во благо.

– Это ты о чем?

– Это я об этой хате. – Гришка с удовольствием осмотрел кухню, поделенную по его эскизам на две зоны: кухонную и обеденную. – Жила бы себе и жила до сих пор Нина Васильевна, и не было бы у меня возможности сюда переехать. А вдруг случилось горе, и я тут. Как-то так вышло по умолчанию. Дашка даже не возразила, когда я ее перед фактом поставил.

– Перед каким фактом?

Олег почувствовал, как бледнеет. В такие моменты во рту становилось горько, губы пересыхали и чесались, а в висках начинало покалывать. Резким спазмом сосудов на фоне эмоционального напряжения назвал это явление его доктор.

– То, что я стану тут жить. Правда, пришлось немного приврать. – Гришка беспечно оскалился.

– В чем приврать?

– В том, что Нина Васильевна при жизни обещала эту квартиру мне. А потом на меня оформила.

– Ты совершенно обнаглел! – ахнул Олег, прикрывая рот ладонью, губы зудели невыносимо.

– Почему?

Симпатичная небритая морда Гришки ничего, кроме удовлетворения, не выдавала.

– Я не собираюсь отбирать у Дашки ее собственность. Она наследница... Первой очереди, – зачем-то добавил брат после непродолжительной паузы.

– А вторая очередь начинается с тебя, что ли?

– С нас! С мамы. С меня. С тебя. – Он, как в детской игре, потыкал пальцем в себя, в него и в пустое место между ними. – Если вдруг что с Дашкой... Мы будем иметь право не только на эту квартиру, но и на Дашкину, и на ее дачу, и на тот дом, который...

– Заткнись, чудовище! – завопил Олег, затыкая уши. – Заткнись! То, что ты говоришь, преступно!

Олег часто задышал, подошел к окну, рванул створку, распахивая. Ему срочно нужен был глоток свежего воздуха. Он уже успел забыть, как задышался от Гришкиного присутствия. Забыл, идиот! Не надо было сюда приезжать. Зачем он все это затеял?

– То, что ты говоришь, страшно и преступно, Гриша, – глухим голосом повторил Олег и аккуратно закрыл окно.

– Нет. Это не преступно, потому что я не совершал, и не совершаю, и не собираюсь совершать никаких преступлений. Это просто мои рассуждения. Логичные. У Дашки ведь никого, кроме нас, нет.

– Вот именно! Никого, кроме нас! Мы ее семья. А ты уже рассматриваешь вариант ее гибели как возможность унаследовать ее недвижимость. Это... Это... – Он даже всхлипнул, так ему было обидно за сестру.

– Ну, начинается! Ты зачем приехал, жирдяй? Жизни меня учить? Самый умный?

«Жирдяй» ему Олег не прощал с детства. И даже однажды отлупил старшего брата. Как-то даже получилось вывернуть ему руки и надавать под зад. И Гришка притих. И обидную кличку не употреблял уже лет десять.

Гришка его разозлил. Снова разозлил.

– Да, я умный, – прищурил он глаза за толстыми стеклами очков. – И я понимаю, что с такими рассуждениями ты запросто можешь стать подозреваемым номер один.

– В смысле? – Гришка запустил пятерню в длинные густые волосы, глупо улыбнулся. – Подозреваемым? В чем?

– В убийстве тети Нины.

– Чего?!

– У тебя был мотив...

– Пстой, пстой! – Гришка обеспокоенно замахал руками. – Я это только тебе сказал! Я же никому никогда этого не повторю.

– Вот именно! Только мне. Ты сказал, я услышал. Я – свидетель твоей корысти. Поэтому не зли меня больше никогда! Никогда! – Олег повернулся к нему спиной и пошел из кухни, но на пороге договорил: – Иначе сдам тебя!

Сейчас, рассматривая свой измятый спортивный костюм, он страшно жалел о сказанном. Он не должен был угрожать Гришке. Тот сказал, что думал. А думал он всегда не очень. Нельзя человеку вменять в вину то, что он глуп.

Он разложил штаны и кофту на кровати, принялся разглаживать их руками. Вышло так себе.

Олег выглянул в окно. Стало достаточно темно. Можно было выходить на беговую дорожку. Она кольцом огибала детскую площадку. Днем и рано утром там было много народу. А вечером почти никого. Он мог не бояться выглядеть смешным и толстым. Гришки дома не было. Куда-то укатил на своем байке. Не будет вопросов и кривых ухмылок.

Олег еще раз встряхнул свою спортивную одежду. И начал одеваться.

Пошел в прихожую, остановился у зеркала. Печально вздохнул. Мог бы и не переживать насчет невыглаженного трико. Натянулось все на нем, как перчатка.

Если бы Гришка его сейчас увидел, снова повторил бы: «Жирдяй!»

Олег со злостью шлепнул ладонью по выключателю. В темноте нащупал замок, повертел, приоткрыл дверь и замер.

На лестничной клетке, чуть левее двери, за которой он сейчас стоял, кто-то занимался сексом. Эти звуки, стоны, хриплые отрывистые слова ни с чем другим перепутать было невозможно. Он было подумал, что это Гришка – идиот, притащил девчонку и шпилит ее прямо у двери. Но вот она последний раз протяжно вздохнула и назвала парня Геной. Потом сдавленно рассмеялась. Зашуршали одежды. И через минуту топот вниз по лестнице. Лифтом влюбленные не воспользовались.

Он осторожно выглянул из квартиры. Света на лестничной клетке не было.

Место влюбленные выбрали неслучайно. В этом месте строителями была устроена ниша, видимо, для коммуникаций, которые потом перенесли в другой угол, закрыв защитным щитом. Коммуникации перенесли, ниша осталась.

– Очень удобно, – пробормотал он тихо, огибая это место по пути к лифту.

Какая-то мысль тут же засела в его голове. Неясная, тревожная, что-то из Гришкиных подростковых историй, не дающих матери спокойно спать.

А может, это все же был он? Просто представился случайной подружке другим именем. А куда ему было ее вести? В квартире Олег. На байке в такую погоду не особенно расположишься. В отель? А если ей нельзя светиться?

Гадко как-то, грязно.

И зачем он приехал? Повздорил с Ольгой. Уволился. Как-то необдуманно все, на эмоциях. Он никогда ими не руководствовался. Тщательно все рассчитывал, трезво.

Двери лифта разъехались на первом этаже, и Олег нос к носу столкнулся с братом.

– Ты куда это собрался? – Гришка тряхнул шевелюрой, которая показалась Олегу взмокшей. Оглядел его с головы до ног, сдавленно хохотнул. – В таком-то виде?

– Побегать хочу.

– Побегать? – ахнул брат, протиснулся в кабину мимо Олега, ткнул пальцем в кнопку с четверкой, провел ладонью по потному лбу, подмигнул. – Только не переусердствуй, Олег. Да и с подростками осторожнее.

– С кем? – вытаращился Олег на брата.

Но тот ответить не успел. Лифт закрылся и помчал Гришку на четвертый этаж.

Олег вышел из подъезда. Втянул прохладный вечерний воздух. Все-таки в большом городе пахнет иначе. Даже проклюнувшаяся трава и набухшие почки на деревьях кажутся пропитавшимися выхлопными газами. Никакой тебе морозной свежести и тополиной сладковатой горечи от проклюнувшихся листочков. Вместо тишины убаюканного поздним вечером города визг пронесшихся электричек и бесконечный шорох крышек с кольцевой.

Он кисло улыбнулся и двинулся к детской площадке.

Там было тихо и безлюдно. Олег ступил на мягкое покрытие беговой дорожки, трижды глубоко вдохнул и выдохнул и побежал.

Задышаться он начал уже на первом круге. На втором его сердцу стало невозможно тесно в груди, оно норовило выскочить через горло. Третий круг он решил пройти пешком. Пот заливал глаза.

Напротив детского домика из пластиковых бревнышек он приостановился, согнулся пополам. Упираясь ладонями в колени, он попытался выровнять дыхание. И тут же услышал:

– Ой, смотрите, пацаны, что за чел?

Олег резко выпрямился, прищурился, пытаясь рассмотреть говорившего. Но увидел только три неясных силуэта. Свет падал ему в лицо. Свет от фонаря мобильного телефона.

Он сделал шаг назад и в сторону, пытаясь увернуться от ядовито яркого луча. Но луч сдвинулся следом.

– Какое на нем трико, пацаны! – притворно восторженно воскликнул уже другой голос. – Может, зайдем у чела штанишки. Я давно такие искал. Зайдем? Зайдем? Зайдем?

Повторяя один и тот же вопрос, говоривший принялся кружить вокруг него в прыжках. И больно тыкать кулаком то в плечо, то между лопаток, то в поясницу.

– Вы с ума сошли, что ли? – опомнился он, когда ему ударили ногой по икрам и он упал на колени. И повысил голос: – Чего вам от меня надо?! У меня даже грабить нечего!

Да, телефон он, придурок, оставил дома. А то бы мог ответным лучом осветить обидчиков. Или Гришку на помощь позвать. Вот, оказывается, он о ком его предупреждал, входя в лифт. Подростки! С подростками Гришка призывал быть осторожнее.

Олег по опыту брата знал, насколько безжалостными и неуправляемыми они могут быть. Тот дважды едва не загремел по малолетке за решетку.

– Отвалите от меня! – заорал он, вскакивая на ноги.

Страх придавал сил. Он принялся расталкивать скакавших перед ним подростков, собираясь бежать напрямую через детскую площадку, но его тут же снова повалили на землю.

Первый удар ногой пришелся ему в плечо. Второй в поясницу. В глазах у Олега потемнело.

– Прекратите! – взмолился он.

Удары сыпались один за другим.

– Чужакам тут не место! – вдруг выкрикнул один из них. – Это наша площадка!

– Я тут живу! Я тут живу! – запричитал он срывающимся голосом. – Оставьте меня! Оставьте!

Удары прекратились. Три пары ног застыли возле его головы. Опомнились или набирались сил?

– Где ты живешь? – вдруг спросил голос, явно принадлежавший девчонке. – Ты чужак. Чего ты втираешь?

– Я живу в квартире Нины Васильевны. Ее убили в прошлом августе. Я ее племянник.

Коротко присвистнули. И снова девчонка спросила:

– Ты ее племянник?

– Да, – просипел он, пытаясь подняться.

Охнул от боли. Кажется, ему сломали ребро.

– Ты брат того крутого чела – на байке? – продолжила малолетняя дрянь его допрашивать.
– Да, – нехотя признался Олег.

Стало досадно. Гришка крутой на байке. А об него только что вытерли ноги трое подростков. И не просто вытерли, а жестоко побили. Прямо как в детстве.

– Бей жирдяя! – орали одноклассники, наваливаясь на него кучей.

И били. Часто и сильно. Пока Гришка не вмешался, когда он ему пожаловался. Но тогда его били сверстники. Теперь группа засранцев, которым он не смог противостоять.

Зачем, зачем он сюда приехал?!

– Слышь, извини. – Маленькая ножка в кожаном дорогом ботиночке на низком каблучке толкнула его в плечо. – Извини, ошиблись. Все, валим, пацаны.

Они исчезли так быстро, что, если бы не ноющее от побоев тело, он бы усомнился, а были ли они? Не привиделись?

Кряхтя и охая, он поднялся. Еле переставляя ноги, добрался до подъезда, вошел в лифт. И едва не захныкал, увидев свое отражение в зеркале. Костюм мокрый, выпачкан песком с детской площадки, на лице и руках ссадины.

Он жалок! Он до сих пор жалок, хотя ему уже тридцать лет. Что скажет сейчас Гришка, увидев его?

Досада. Может, стоило позвонить Ольге и попроситься обратно, пока не поздно?

Он вышел из лифта и по стенке двинулся к двери теткиной квартиры.

Возле ниши встал как вкопанный. Он только что вспомнил! Голос! Голос девчонки, которая только что увела за собой его обидчиков. Он был тем же самым. Она стонала и вздыхала здесь час назад. Она называла своего партнера Геной.

Кто она, эта распутная девушка? Почему выбрала местом свиданий эту лестничную клетку? Она живет здесь или просто забежала спрятаться?

Он докопается до сути. Он вычислит ее. В этом ему не было равных. А когда он ее вычислит, то накажет.

Глава 6

Местом происшествия был заброшенный тупик между гаражами. Загаженное место площадью шесть квадратных метров с торчавшим частоколом высохшего бурьяна зимой и непроходимыми зарослями летом.

Несчастную нашли бы не скоро, не возникни необходимости у одного автолюбителя сжечь на этом пустыре картонные коробки из-под акустической системы.

– Я коробки-то тащу перед собой и не вижу ни черта, – жаловался он Даше, странно семена рядом с ней к месту обнаружения им мертвого тела.

Почему он так идет, что за походка?

Она с подозрением покосилась на свидетеля.

Переживает? Боится?

– А потом раз, и споткнулся, – продолжал он говорить.

Все это Даша уже знала из оперативной сводки. Но попросила его еще раз повторить. Сначала встретить их у въезда в гаражный кооператив. А потом повторить.

– Споткнулся и полетел вперед. Ну, думаю, сейчас расшибусь.

Свидетель судорожно сглотнул, потер ладонями щеки. Встал как вкопанный метра за три до того места, где упал.

– Коробки разлетелись. А я упал. Прямо на нее. Об ее ногу я и споткнулся. – Он понизил голос до шепота, свел плечи и опустил голову. – Я не сразу понял, что она того... Неживая. Глаза-то открыты. Рот улыбается. Я ей: «Чего развалилась, овца? Я споткнулся из-за тебя». Вскиваю на ноги, даже ногой ее того... Пихнул. А она того... Неживая.

Его вдруг начало колотить. Он обнял себя руками, уткнулся подбородком в воротник куртки и произнес с тоской:

– Как же это, товарищ полицейский? Она же ребенок совсем! Сколько ей? Лет четырнадцать? Пятнадцать?

– Это будет известно после того, как мы установим личность погибшей. – Даша со щелчком натянула резиновые перчатки, шагнула к телу. – Вы пока побудьте здесь. Никуда не уезжайте. Еще будут вопросы. И подписать протокол нужно будет.

– А можно я в своем гараже пока побуду? – он указал на распахнутые железные ворота ядовито-рыжего цвета. – Тошно мне здесь.

– Побудьте, – позволила она.

И, провожая его взглядом, подумала, что он вполне мог быть убийцей и насильником этой девчонки-подростка. Вчера убил спяну, от свидетеля несло за версту перегаром. А сегодня утром опомнился и решил, что негоже оставлять бесхозный труп по соседству с собственным гаражом. И придумал всю эту историю с коробками из-под акустической системы.

– Разберемся, – негромко ответила она своим собственным сомнениям. – А сейчас приступим.

Эксперты уже работали на местности. Тело осмотрели.

– Незадолго до смерти у нее предположительно был сексуальный контакт, – оповестил патологоанатом. – Но все прошло, скорее всего, по обоюдному согласию. Точнее сказать могу после вскрытия. Как и о причине смерти. Колотых ран много. Какая из них явилась... Гм... да.

Даша подошла ближе. Девушка была тщательно одета. Никакого беспорядка в одежде. Маникюр в порядке. Ногти не выпачканы, не поломаны. Кожаные ботиночки на низком каблучке чистые. Никаких следов грязи на подошве. Будто ее сюда перенесли прямо из обувного магазина.

– Ботинки, не пойму, новые, что ли? – нахмурилась она в сторону экспертов.

– Заломы кожи, образующиеся при ходьбе, отсутствуют. Возможно, что и новые. – Даниил Федорович Соколов провел указательным пальцем по ботинку. – Недешевая обувь, Дарья Дмитриевна. Бренд на слуху. Если установим, что не подделка, можно будет проверить бутики.

– Проверим, – отозвалась она.

И с тоской подумала, что ботинки эти ей могли подарить, она могла купить их за границей, через интернет-магазин. Следов столько, что идти по ним – замучаешься.

– Документов при ней никаких? – спросила она, в надежде поглядывая на Соколова, который рылся в карманах куртки погибшей.

– Ничего. Карманы пусты, – он поискал глазами вокруг погибшей девушки. – Сумочки тоже не видно. Но надо тут все осмотреть. Может, в бурьян забросили.

– Смотрите, – согласно кивнула Даша и через минуту полезла в заросли бурьяна сама.

Володя Скачков вскоре присоединился.

Они осмотрели все шесть квадратных метров этого загаженного места. Прошли вдоль запертых гаражей. Эксперты сняли слепки с отпечатков трех видов протекторов – самых свежих, самых близко расположенных к месту обнаружения тела.

В распахнутые оранжевые ворота Даша вошла спустя полтора часа.

Мужик сидел на перевернутом ящике, зажав коленями ладони, и смотрел в пол. На ее появление он никак не отреагировал.

– Простите. – Даша стукнула согнутым пальцем в железную дверь. – Поговорим?

Он вздрогнул, медленно поднял на нее взгляд, кивнул.

– Ваши данные. – Даша занесла авторучку над протоколом, вопросительно глянула. – Нам необходимы ваши данные для протокола.

Он продиктовал, даже достал из кармана кожаной куртки, брошенной в машину, водительское удостоверение. Снова уселся на ящик.

– Вы вчера вечером были в гараже? – Она прошлась взглядом по помещению, осмотрела каждый сантиметр широкого верстака.

– Был. Я каждый вечер здесь допоздна. – Его глаза расширились от ужаса. – А что?

– До которого часа вы здесь были?

– Не помню точно. Выпили с мужиками. Акустику мою обмывали. В первом часу я дома был.

– Имена, фамилии мужиков? Номера гаражей?

Она записывала за ним, на ходу придумывая версии.

Свора пьяных мужиков запросто могла попользоваться бедную девчонку, всадив в нее напоследок нож. Несколько раз! Эксперт навскидку насчитал десять колото-резаных ран. Ее могли уже мертвой привезти сюда и бросить. Но этих любителей по пьянству в гараже необходимо будет проверить. Всех!

– Смерть девушки предположительно наступила вчера между десятью и двенадцатью часами ночи, – проговорила она, переписав данные всех его собутельников. – Вы ничего постороннего не слышали? Не видели?

– Нет. Я лично нет. Так ворота-то были закрыты. Тут вот мы и сидели.

Он махнул головой себе за спину. Там стояло подобие узкого диванчика с засаленной обивкой серого цвета.

Следов крови Даша не нашла, сколько ни всматривалась, когда подошла. Обивка засалена, но не замыта и не выпачкана. Перед диванчиком стоял походный стол. На нем три пластиковых стакана и рулон бумажных полотенец. Больше ничего.

– Кто же со стола убрал после пиршества? – полюбопытствовала она.

– Я и убрал. Не так уж сильно пьян был. Все культурно у нас с мужиками, вы не подумайте.

– А я и не думаю. – Она скупно улыбнулась, борясь с искушением забрать стаканы на экспертизу.

Не имела права. Ордера не было. И подозревать мужчину, вызвавшего полицию, она права не имела. А все равно подозревала. Такой вот она стала за время службы в полиции – подозрительной, недоверчивой.

За сегодняшнее утро кого только в чем не подозревала!

Зайцева – во лжи. Не мог он заехать к ней просто из желания поделиться новой версией в деле убийства ее матери.

Соседку Таю – в том, что та чего-то ей недоговаривает. Что-то скрывает об автомобильных взломах.

Как можно ничего не слышать, если все происходило почти у нее на подоконнике?! И пес ее, что главное, сигнализировал. И что, она не насторожилась?

Врет. Врет или недоговаривает.

И Зайцев врёт. Он соскучился по ней, вот и приехал. Ждал, что она бросится ему на шею, расплечется и простит. А она не бросилась, не расплакалась и не простила. Вот он с ходу и залепил. И попал в десятку. Кто-то сделал слепок с ключей от квартиры ее матери...

– Что, простите? – Свидетель о чем-то говорил ей и протягивал свой телефон.

– Вот тут Михаил у меня на связи, с которым мы вчера... Ну, это, обмывали покупку. Он хочет с вами поговорить. Он что-то видел.

Она взяла в руки телефон. Глянула в протокол. Да, Михаил там фигурировал.

Михаил Гладышев, пятьдесят девятого года рождения. Холостой, без особых вредных привычек. Так охарактеризовал его свидетель. И еще добавил, что Мишка самый аккуратный из всех них. Никогда по пьянке не нагадит. И все за собой уберет.

Может, поэтому и следов никаких не нашли?

Это снова стрельнуло ей в голову. И снова захотелось стаканы со вчерашней пьянки с походного стола сгрести.

– Алло? Вы там? – нетерпеливо позвал ее грубый мужской голос.

– Да, я на связи, – встряхнулась Даша.

Что-то она сегодня постоянно отвлекается.

– Мне Влад сказал, что там у нас беда в гаражах? – уточнил он для начала. – Кого-то убили.

– Да. Ваш приятель обнаружил труп девушки в тупике.

– В бурьяне?

– Именно.

– Как же он это обнаружил-то?! – ахнул Михаил. – Он же никогда туда не совался?

– Коробки картонные собрался сжечь.

– Из-под системы? Что мы вчера обмывали?

Говорит правду или они успели вчера договориться? Ну-ну...

– Видимо, те самые коробки, – подтвердила Даша.

Коробок на пустыре они не нашли. Их Влад обратно в гараж занес, перепугавшись.

– Вы хотели о чем-то со мной поговорить?

– Да. Я тут вспомнил, когда Влад мне позвонил.

– Когда позвонил? Он не говорил. – Ее взгляд подозрительно скользнул по съездившейся на перевернутом ящике фигуре.

– Еще до вас позвонил. Просто я тут вспомнил. Серега вчера рассказывал, когда вернулся.

– Серега у нас кто?

Она посмотрела в свои записи.

Сергея там тоже был записан – Сергей Востряков. Но Михаил должен был это подтвердить. Подтвердил.

– Откуда вернулся? Что вспомнили?

– Он выходил отлить, простите... А когда вернулся, злой был как черт. Матерился. Спрашиваю, в чем дело? Говорит, обнаглела молодежь.

– Что за молодежь? – насторожилась Даша. – Местная или...

– Кто-то на байках его чуть не сбил.

– На байках? Сколько их было?

– Точно не могу сказать. Это надо с Сергеем. Не два точно.

– А вы шума мотоциклетных моторов не слышали? – изумилась она в трубку и вопросительно глянула на Влада.

И они почти в одно слово воскликнули:

– Так акустика качала весь вечер. Тестировали! Лично у меня, – признался Михаил, – потом голова до утра трещала. Такой грохот стоял.

– А что слушали? – спросила она невзначай.

И снова их ответы не разошлись.

«Рок», – ответили они в одно слово.

Даша записала номер телефона Сергея и вышла из гаража.

Группа уже сворачивалась.

– Что-то интересное есть? – подошел к ней Володя Скачков.

– Даже не знаю, что сказать. – Она ткнула пальцем в протокол допроса свидетеля. – Не нравятся они мне что-то. Как-то говорят все слово в слово.

– И что не нравится?

– Именно это и не нравится.

– Почему? – занервничал сразу Володя.

Он всегда нервничал, когда ее не понимал. Чувствовал себя ущербным, как не раз признавался.

– Потому что тут что-то одно из двух, капитан, – она снова повернула к тому месту, где обнаружили труп девушки-подростка, – либо они говорят правду...

– Ну! Не пойму, что тогда тебе не нравится!

– Либо очень хорошо договорились, чтобы говорить одно и то же. И причины этой договоренности могут быть разными. Идем-ка со мной, еще раз осмотрим там все. Может, какой-то клочок бумаги найдем или билетик троллейбусный.

Ничего, кроме старого мусора, между одеревеневшего бурьяна они не нашли. И уже через полчаса докладывали Зайцеву о результатах.

– Результатов – ноль, – подвел он черту под их докладом. И недовольно сморщился. – Сейчас начнется...

Начнутся звонки сверху, поняла Даша, давление. СМИ станут рвать каждое себе сенсацию, в надежде урвать кусок поинформативнее. А сверху станут давить и ежедневно требовать отчета.

– Личность погибшей не установлена? – приподнял он брови.

– Пока нет, – скупой ответила Даша. – Просматриваем списки пропавших за минувшую неделю.

– Труп сутки! – возмутился полковник.

– Ее могли держать взаперти, прежде чем убили. – Даша покачала головой. – Надо также связаться со всеми, кто заявлял о похищении. Может, с кого-то требовали выкуп.

Зайцев едва слышно чертыхнулся и поводит подбородком туда-сюда, словно его душил воротник рубашки.

– Девочка очень круто одета, – продолжила Даша, насторожившись.

Может, он что-то знал? Владел какой-то информацией, разглашать которую не имел права?

– Одежда почти новая. Ботинки чистые. Кожа не помята на сгибах. Маникюр аккуратный. Девочка ухожена. Возможно, из обеспеченной семьи, – осторожно предположила Даша, внимательно наблюдая за реакцией Зайцева.

Он побледнел.

– Товарищ полковник? – Она резким движением заправила волосы за уши. – Есть что-то, о чем нам надо знать прежде, чем мы погрязнем в изучение списков пропавших без вести?

Он покосился, побарабанил авторучкой по раскрытому ежедневнику. И кивнул нехотя:

– Есть.

Даша с Володей вытянули шеи.

– Три дня назад поступила информация о похищении ребенка. Девочки, восьмиклассницы. Подключили все возможные службы, но похитители так и не вышли на связь с требованием.

– Три дня назад?! – ахнула Даша. Она почувствовала, как на затылке шевельнулись волосы. – Но это... Это же много! Почему не объявили в розыск?

– Не посмели ослушаться, – скривил Зайцев рот. – Родители больно влиятельные. Не велено было!

– Она что, у них и раньше пропадала?

– Возможно, в этом причина. Возможно, все ждали требования о выкупе. Боялись, что своими действиями спугнут преступников.

– Фото ее есть? Той девочки, что пропала у влиятельных родителей?

Даша тяжело задышала. Представить себя на их месте было невыносимо. Ее беременность прервалась внезапно. И она сильно страдала из-за этой потери. И много плакала тайком. Может, даже больше плакала, чем по маме.

А здесь...

– Такое горе, – шептала она, рассматривая веселую симпатичную девчонку, сидевшую на породистой лошади. – Такое горе...

– Что ты там шепчешь, не пойму? – повысил голос Зайцев.

– Это она, товарищ полковник. Надо приглашать родителей на опознание.

Глава 7

– Это ты во всем виноват! Ты! Если бы не твоя вечная занятость...

Истеричный голос Аллы вгрызался бензопилой в его мозг, он крошил его кору в мелкие щепки, еще немного, и Егор свалится и погибнет, как большое подпиленное дерево. Наверное, будет правильнее: большое подгнившее дерево.

Все давно сгнило в этом огромном доме. Все! Принципы, традиции, порядок. А началось все с него, он готов был это признать. Он явился нарушителем номер один.

Он начал с того, что выбросил за ворота мать Инги. Поменял ее на молодую женщину Аллу. Гораздо моложе его самого и его бывшей жены.

Почему он так сделал?

А ему просто надоело видеть перед собой вечно скорбное лицо, надоело наткаться на осуждающий взгляд. Надоело чувствовать себя виноватым, когда он делал что-то не так, и без конца заглаживать вину. И он взял и выставил ее из дома с парой чемоданов и небольшим выходным пособием. И счел, что это правильно. Потому что ему так хотелось. И разрешения он ни у кого спрашивать не обязан.

Даже у Инги – их общей дочери.

А девчонка-то замкнулась именно тогда, именно с того дня, когда в этом доме не стало ее матери. Именно с того момента она перестала быть прежней. Перестала быть просто беззаботным веселым ребенком, превратившись в угрюмую грубую девочку-подростка.

Нет, нет, он не запрещал им встречаться.

Конечно, они виделись. Инга ездила, навещала мать. Та поселилась в квартире своих покойных родителей.

Из гостей Инга всегда возвращалась притихшей со странно поблескивающими глазами. Он тогда думал, что от слез. Пока однажды не вскрылась правда. Страшная правда!

Оказалось, что Инга бывала у матери два раза из восьми. Все остальное время она ошивалась непонятно где, в непонятно какой компании. И там несколько раз принимала крохотные такие таблеточки. Именно по этой причине сверкал ее взгляд. И она приезжала странной.

И ведь выяснилось это все совершенно случайно. Он как-то проезжал мимо дома, где поселилась его бывшая жена, и позвонил ей.

– Я готов забрать Ингу, – пробубнил он в трубку, даже не поздоровавшись. – Пусть выходит.

– Откуда выходит?! – Голос бывшей жены зазвенел тревогой.

Она тоже не поздоровалась с ним.

– От тебя, откуда еще?!

Он мгновенно сорвался на крик. Она всегда на него так действовала. Бесила страшно.

– Так у меня ее нет и не было, Егор! – Она тоже закричала. – О чем ты, не пойму?!

– Она сказала, что едет к тебе. Водитель довез ее до твоего дома. Вы же созвонились, черт возьми!

– Она мне не звонила. И не была у меня.

Голос бывшей жены запрыгал с октавы на октаву. Он представил, как противно сейчас дрожат ее губы. И закатил глаза.

– Ты сам звонил ей? Ты...

Он отключился. Слушать нытье, из-за которого и распался их брак, он не намерен. И он тут же позвонил Инге. И та принялась с ходу ему врать. Что она у мамы. Что скоро уже выходит. Пусть папа пришлет машину к ее дому. И все в таком духе.

Ох, как он тогда бесился! Он готов был придушить собственного ребенка!

Он не прислал машину. Он сам приехал в назначенное Ингой место.

Вышел из машины, прошел метров двадцать. Спрятался за выступом дома и начал ждать.

Она не вышла из подъезда матери. Ингу привез какой-то парень на байке. Она слезла. Отдала ему шлем, поправила волосы, махнула ему рукой на прощание и неуверенной походкой пошла к тому месту, где обычно парковался его водитель.

– Ах ты же малолетняя сучка! Ну, я тебе...

Но у него не вышло повоспитывать дочь. Она оказалась обдолбанной настолько, что не сразу поняла, кто именно за ней приехал.

Они доехали до дома. Там он вызвал своего приятеля врача. Тот взял у дочери экспресс-анализ крови и подтвердил, что дочь под воздействием таблеток. Доктор поставил ей капельницу. Понаблюдав. И когда дочь уснула спокойным сном, уехал, прихватив щедрый гонорар. За молчание в том числе.

– Ты что творишь, дрянь?! – началось утро с его вопля.

Они как раз расселись за столом, чтобы завтракать: он, Алла и Инга.

– Я ни в чем тебе не отказываю, а ты...

– А что я?

Она даже глаз на него не подняла, с аппетитом поедая омлет с ветчиной.

Доктор предупреждал, что наутро у нее может быть зверский аппетит.

– Ты врешь! – выдохнул он с гневом.

– Ты тоже. – Инга, не подняв взгляда, потыкала вилкой в сторону Аллы. – Ей, например.

– Да ты... – Он задохнулся, немного перетрусив.

– Да, ты. Врешь теперь уже и второй своей жене.

Дочь отодвинула опустевшую тарелку, взяла в руки стакан с соком, сделала пару глотков. Гадко громко рыгнула. И повернула-таки голову в сторону притихшей Аллы.

– Ты не знала? – ядовито улыбаясь, спросила она у нее.

Алла сидела с каменным лицом. Она ни на кого конкретно не смотрела. Взгляд ее был устремлен на дверь столовой. У него даже родился язвительный вопрос. Захотелось спросить у молодой красивой жены:

– А не на выход ли ты собралась, дорогая?

Сдержался. Алле хватило откровений ее падчерицы. Та вдруг принялась сыпать подробностями о его недавних похождениях, законспирированных под командировки и совещания.

– А ты не знала, – покачала головой Инга, улыбнулась одними губами в его сторону, спросила: – Что же ты всем все время врешь-то, папочка? Без этого никак, да? Маму бросил. Понятно... Постарела, надоела. Купил себе молодую красотку. Неглупую даже. Пожил немного тихо, мирно. И опять, и снова! Что, и ее теперь поменяешь? На другую?

Она допила свой сок, встала, громко двинув стулом. Шагнула от стола. Но вдруг приостановилась. Повернулась. Глянула на него таким ненавидящим взглядом, что ему даже страшно сделалось. И прошипела:

– Никогда больше не смей за мной следить! Никогда не смей учить меня жизни! Ты... Ты великий лжец и притворщик! – Ее милое прежде, симпатичное личико по-взрослому сморщилось от отвращения, и Инга отчетливо произнесла: – Ненавижу тебя!

Потом был скандал с Аллой. И еще один, и еще. Его размеренная спокойная жизнь с молодой женой лопнула мыльным пузырем, не оставив даже надежды на возможное примирение.

С Ингой вообще беда! Она стала без предупреждения исчезать на два-три дня. Потом являлась грязной, непричесанной. От нее дурно пахло. Она почти не разговаривала с ними. И уж конечно, не отвечала на его вопросы, без конца вскидывая вверх средний палец левой руки.

– Ты профукал свою дочь, Егорушка, – считала своим долгом напомнить ему перед сном Алла, холодно смотрела в его сторону и добавляла: – Ты профукал нашу жизнь.

Каждый вечер одно и то же. Каждый долбаный вечер!

Он перебрался из супружеской спальни в гостевую комнату на первом этаже. Собрал своих адвокатов и приказал начинать бракоразводный процесс. И был сражен наповал новостью, что Алла его опередила. Ее адвокат уже работает в этом направлении.

– Оставлю без носков суку! – взревел он, когда узнал. – По миру пойдет с котомкой!

– Боюсь, что вам придется с ней договариваться, Егор Игоревич, – опустил глаза в пол один из его юристов.

– В смысле?!

– Вам придется искать какое-то компромиссное решение. Дело в том, что...

Юрист долго сокрушенно вздыхал и жестикулировал, рассказывая ему о том, что Алле удалось раздобыть на него кучу компромата.

– Если бы дело было только в супружеских изменах, Егор Игоревич! – восклицал юрист. – Здесь вам и уход от налогов, и разного рода преступные схемы в обход существующего законодательства. Зачем же вы так с ней откровенно обо всем говорили, Егор Игоревич?

Взгляд юриста откровенно выражал его к нему отношение. Этот умный грамотный малый считал его ослом.

– Значит, будем договариваться, – нехотя проговорил он, выслушав все «за» и «против».

Они договаривались уже год! И все никак не могли прийти к компромиссу. Он откровенно затягивал, водя Аллочку за нос. Ему уже удалось легализовать многие стороны своего бизнеса. Погасить часть налогов. Оставалось совсем недолго, и он сможет вышибить ее из дома в чем мать родила. Он ждал. Терпеливо ждал, затаившись.

Но тут Инга снова пропала. На неделю, чего не случалось прежде никогда. Появилась на два дня. Выглядела странно чистой, спокойной, без следов приема экстази. За завтраками и обедами вела себя прилично. Не хамила, не корчила рожи, не показывала им с Аллой средний палец.

Алла даже решила на вопрос:

– Ты не влюбилась, детка? – спросила она вполне дружелюбно, дотянувшись до локтя его дочери и тихонько сжала. – Выглядишь такой...

– Какой? – Она не убрала локоть, глянув на Аллу с прежней тихой улыбкой.

– Счастливой, – пояснила Алла и глянула на него. – Что скажешь, Егор?

– А что он может сказать? – негромко фыркнула Инга. И с неожиданной грустью добавила: – Разве он знает, что такое любовь?

Ох, как ему сделалось погано после ее слов. И не сколько от слов самих, сколько от того, как она это сказала. Как глянула.

Взглядом маленькой, невозможно обиженной девочки – вот как. Его сердце просто застыло, потом перевернулось и с болью ударило. Он не нашел слов для ответа. Ни единого.

Инга ушла к себе. А он проворочался без сна до самого утра. И поклялся себе, что сделает все, чтобы наладить отношения с дочерью. Он просто спросит ее. Спросит, что ему надо сделать, чтобы все было как раньше. И если она потребует вернуть ее мать в этот дом, он вернет.

Наверное...

Он весь день, сидя в кресле генерального директора на своей фирме, готовился к вечернему разговору с Ингой. Он перебрал всевозможные варианты своих вопросов. Ее ответов. Стратегически отмел все то, что могло встать на пути их примирения. Запретил себе об этом говорить. А если она станет упрекать, слушать, не перебивая. Он подготовился. А Инга...

– Она опять ушла из дома, – оповестила его Алла, с хмурым лицом листая женский журнал.

– Зачем ты ее отпустила?! – ахнул он, почувствовав беспричинный страх. – Я собирался с ней сегодня поговорить.

– Сегодня? Только сегодня? Ты серьезно? – ахнула Алла, поднимаясь с кресла и забрасывая в угол журнал. – Твоя дочь уже год на таблетках, она периодически пропадает из дома,

у нее сомнительные знакомства, о которых тебе даже ничего не известно. А ты только сегодня собрался с ней поговорить?! Прости, Егор, но это полное дерьмо! Я была такой дурой, когда вышла за тебя!

Все, тут Алла оседлала любимого коня и еще полчаса рассуждала о своих достоинствах и его недостатках и полной человеческой никчемности. А он, странно, не огрызался. Не орал на нее. Не требовал заткнуться.

Он неожиданно почувствовал всю справедливость ее обвинений. Остро почувствовал. И еще страх за дочь почему-то не исчезал.

– Она сказала, когда вернется? – спросил он у Аллы, когда она заткнулась.

– Нет! – выкрикнула она, посмотрела на него долгим странным взглядом, пробурчала: – Наконец-то тебя проняло, папочка. Раньше надо было начинать.

Он не мог поспорить. Она снова была права – его молодая, красивая, без пяти минут бывшая жена.

– Да. Надо было. – Он с силой потер ладонями лицо. – Что же теперь делать-то, Алла? Как ее вернуть?

– Не знаю.

Она двинулась к лестнице на второй этаж. Она с некоторых пор одна занимала их супружескую спальню. Начала медленно подниматься по ступенькам. Но вдруг притормозила.

– Ладно, Самохин, не стану тебя мучить. Она обещала звонить. Не тебе. Мне.

В сердце кольнуло снова, теперь ревностью. Но ее слова позволили немного расслабиться. Пусть хотя бы мачехе звонит, если отца считает врагом.

В течение недели Инга исправно звонила Алле либо отвечала на ее звонки.

– Никакой конкретики, – жаловалась Алла и вздыхала. – Но хотя бы голос ее слышу, уже хорошо.

На седьмой день Инга прислала сообщение: *«Буду вне зоны. Не трясись. Все норм. Послезавтра позвоню или приеду домой»*.

Послезавтра не позвонила и не приехала. Потом еще три дня тишины.

Егор через своих людей, как уже случалось раньше, попытался найти ее телефон по биллингу – бесполезно.

– Может, она его потеряла? Или утопила в ванне? – предположила Алла. – Подождем еще?

– Алла, ее две недели нет! Такого раньше никогда не было! – заполошным голосом воскликнул он. – И не надо мне говорить, что все когда-нибудь случается в первый раз! Я всегда пробивал ее телефон. Всегда. А сейчас...

– Надо звонить в полицию, – пожала она плечами, наткнулась на его неуверенный взгляд. И воскликнула: – А что? Есть иные предложения?

Иных предложений не было. Он поехал в полицию к своему хорошему другу. И попросил его, вручив ему фото Инги, по-тихому, без лишней шумихи, объявить ее в розыск.

Прошло еще три дня. Результатов не было.

– Ее нет среди погибших, – порадовал друг вчера вечером. – Знаешь, уже неплохо.

Но ее может не быть и среди живых! Эта мысль так прочно засела в его голове, что он с вечера нажрался как свинья. Полез к Алле в кровать. Был оттуда с позором изгнан. А наутро она принялась его пилить, упрекая, обвиняя, выедавая мозг.

За этим занятием их и застал неожиданный звонок в домофон.

Они стремительно переглянулись, как застигнутые за преступлением злоумышленники.

– Кто это может быть? – наморщила лоб Алла.

Она всегда морщила лоб, всегда. Знала, что ее это портит, добавляет лишних лет, не раз получала от него замечания, но настырно морщила свой чертов лоб.

– Я не знаю. – Он сжал колени, почувствовав, как они затряслись. – Это не ко мне.

– Уверен? – Она с нехорошей улыбкой двинулась к домофону, сняла трубку, пропела: – Кто там?

– Добрый день, это полиция. Откройте, пожалуйста, – произнес мужской голос.

И вот по тому, как именно он это произнес, Егор понял – это конец. С Ингой беда. Если бы было все в порядке и ее нашли живой и невредимой, ему бы просто позвонили. Просто попросили бы приехать и забрать ее из обезьянника. А они пришли сами! И говорят в домофон таким противно сочувствующим голосом...

– А что такое? – повысила голос Алла.

Глупая курица! Неужели не доходит?!

– Открывай, – просипел он и закрыл глаза.

Их было двое: мужчина и женщина, оба в штатском. Мужчина был примерно его лет, седой, смуглый, хорошо подкачанный. Держался с достоинством.

«Не из лейтенантов», – сделал тут же вывод Егор, все так же не слезая с кресла.

Женщина рядом с ним была молодой.

«Еще нет сорока», – определил Егор машинально.

Черноволосая, зеленоглазая, прекрасно сложена, но надломленная какая-то. Интересно: его бедой или своей?

– Полковник Зайцев, – представился мужик и полез за удостоверением.

– Не надо. – Егор еле разлепил губы, вжался спиной в кресло. – Она... Инга? Ее больше нет?!

– Я сожалею. – Он опустил глаза в пол. – Найдено тело молодой девушки. Наш сотрудник...

Он кивком указал на свою спутницу.

– Наш сотрудник выезжала на место обнаружения. И по фотографии вашей дочери она опознала...

Он замялся, не зная, как продолжить.

– Вам надо проехать с нами на опознание, Егор Игоревич, – вступила она в разговор, лицо ее сделалось мучнисто-бледным. – Вы готовы сделать это прямо сейчас?

Он смотрел на них и не видел. Слышал их голоса и не понимал речи.

Это все?! Все, что осталось от его дочери, – это труп неопознанной девушки? И съездить опознать ее – это все, что он теперь может для нее сделать?!

Влада! Мозг опалило огнем. Как он скажет ее матери о беде?! Как он все это ей преподнесет?! Этим чужим людям рассказывать ему страшные новости достаточно сложно. Он видел, что сложно. А как он скажет своей бывшей жене, что их дочь погибла? Как?!

– Я готов, – все так же сипло произнес он, пытаясь выбраться из кресла. – Буду готов через десять минут, максимум двадцать. Я готов...

Глава 8

Дождь жирными прозрачными червями полз по стеклу. Давно не было! Земля не успела просохнуть после предыдущего ливня, как снова осадки.

Она не любила ненастья. Точнее – она его ненавидела. Монотонность звуков, серость красок, холод и влага. Что в этом хорошего? Именно в такую мерзкую погоду Егор выкинул ее из дома, как старую надоевшую игрушку.

– Поживи одна, – порекомендовал он на прощание.

Он стоял перед ней под дождем в длинной парке с капюшоном – высокий, худой, симпатичный, голубоглазый. Она так любила его глаза. Любила прикасаться к ним губами. Она всего его любила. Всегда! Даже когда он начал изменять ей со странным спортивным интересом. Она любила его всегда. А он взял и выбросил ее из дома, сунув на прощание в руки десять сотенных долларовых бумажек.

– Это тебе на первое время, – проговорил он.

Повернулся и скрылся за воротами. Мягкий чавкающий звук дорожного замка, разделивший ее жизнь на до и после, запомнится ей на всю жизнь. И бешеный стук дождевых капель о тротуарную плитку рядом с ее сапожками, и шорох шин подъехавшего такси. Все это похоронено в памяти под тяжелой плитой, на которой нацарапано: «*Не берeditь*».

Она старалась. Не лезла в запретную зону. Иногда получалось справляться. Иногда не очень. Плохо выходило в такую вот мерзкую мокрую погоду. Мутная, ледяная серость заползала с улицы в дом. Проникала в душу, сдвигала ту самую плиту, под которой были похоронены ее воспоминания, и принималась мучить ее, доводить до слез.

Влада оттолкнулась от подоконника, пошла в ванную. Там не было окон. Там можно было забыться, встав под душ.

Чего она сегодня не пошла на работу? Зачем сказала больно? Там ей было бы гораздо легче пережить ненастье. Она слушала бы чужие истории, проникалась к ним сочувствием, принималась давать советы. Правильные. Которые помогали многим. Она же была одним из лучших психологов, которому доверили прямую линию. Почему себе не получалось помочь? Что у нее с самой собой не так?

– Хватит хандрить, дорогая, – приказала она себе властным голосом, забираясь в душевую кабину и задвигая пластиковые дверцы. – Тебе всего лишь сорок пять лет. Ты все еще молода и по-прежнему привлекательна. На тебе нет ни грамма лишнего жира. Ты ведешь здоровый образ жизни. Тебя уважают. Ты имеешь право уважать себя. Имеешь, черт побери! Да, в тот раз ты сглупила. Ты не должна была брать у него деньги. По закону жанра ты должна была пустить их веером ему вслед. Ты проявила слабость. И этого не можешь себе простить до сих пор. Причина только в этом. И она несущественна...

Ей всегда помогали подобные монологи. Мысли не всегда способны успокоить. А когда они бывали озвучены, результат иной. Так она считала. Этому научила подруг. Они идею подхватили и размножили.

Влада выключила воду, шагнула из душевой кабины на мягкий ворсистый коврик, потянулась за толстым белым халатом. Замотала волосы полотенцем. Встала перед большим зеркалом. Тронула кончиками пальцев кожу на скулах, под глазами, на шее.

С каждым днем становилось все сложнее и дороже отвоевывать себя у старости. Это как борьба с джунглями на маленьком затеряншемся среди лиан и высоких пальм ранчо. Каждый день начинается с борьбы.

Она протерла лицо и шею увлажняющим тоником, вытерла излишки косметической салфеткой, нанесла крем. Стащила с волос полотенце и принялась сушить их феном. Времени

это всегда занимало много. Волосы были длинными, густыми, в завитках. Новая молодая жена Егора могла бы ей позавидовать. У той с шевелюрой было не очень.

– Волосики, как у новорожденной, – хихикала Инга, сплетничая о мачехе.

Влада ее не пресекала. Пусть выпустит пар хотя бы у нее дома. Отец, со слов Инги, ей не давал нормально жить. Не позволял общаться со сверстниками. Всячески притеснял и морально, и материально. Когда Влада попыталась с ним поговорить на эту тему по телефону, он послал ее в грубой форме и пригрозил больше не отпускать к ней дочь.

– Если не перестанешь совать свой курносый нос куда не следует! – закончил он гневную тираду.

Сейчас, стоя у зеркала, Влада об этом вспомнила и улыбнулась. Он все еще помнит ее нос? Воспоминания целы? Уже неплохо. И может быть, когда его молодой жене он надоест и она уйдет от него, Егор снова вспомнит о ней. И позовет обратно.

Смешно, конечно, но она об этом часто думала. И даже позволяла себе мечтать за чашкой ромашкового чая на ночь, как они снова заживут все вместе: она, Егор и их любимая дочка Ингуля.

Инге тоже этого очень хотелось. И они вдвоем иногда строили запретные планы. И хихикали, как заговорщики.

Она давно не была у нее. Готовилась к олимпиаде. Позвонила неделю назад. Рассказывала какие-то смешные и опасные истории из жизни ее друзей и одноклассников. Они посмеялись, посочувствовали. Потом дочка привычно сказала, что очень любит свою мамочку, обещала скоро позвонить и отключилась. И неделя тишины. Сама она не могла ей звонить. Они с Ингой так договорились, что всегда будет звонить она сама.

– Понимаешь, мамуль, в чем проблема... – сильно растягивая гласные, принялась объяснять дочь. – Алла иногда хватает мой телефон, когда на него поступает звонок. И отвечает за меня. У нас голоса немного похожи. И один раз эта отвратительная тетя проговорила с моим парнем целых десять минут. Прикинь!

– А у тебя есть парень? – ахнула Влада. – Расскажи, расскажи!

Они сидели тогда, обнявшись, на ее лоджии, на узком мягком диванчике, когда Инга начала ей все это рассказывать:

– Он самый лучший, мамка! Он сильный, красивый! У него такая крутая тачка.

– Тачка? – Влада тогда нахмурилась. – Машина?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.